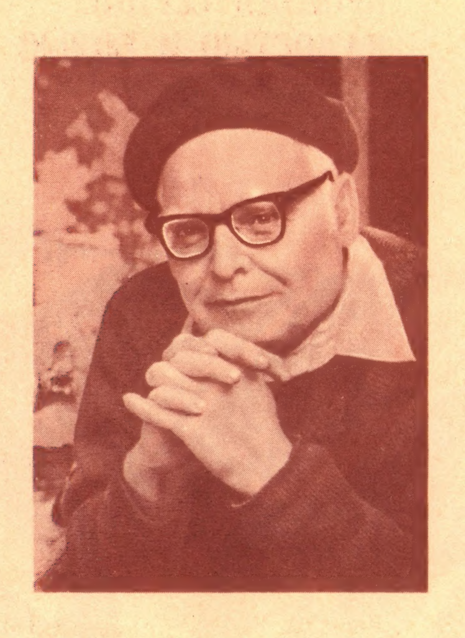
Евгений Фейерабенд

ПРОНЗАЯ СЕРДЦЕ РАДОСТЬЮ И БОЛЬЮ

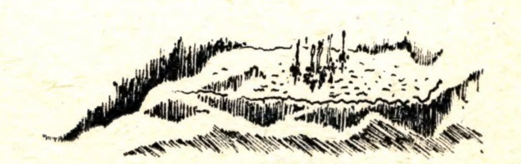
Евгений Фейерабенд

ПРОНЗАЯ СЕРДЦЕ РАДОСТЬЮ И БОЛЬЮ

Новые стихи

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1981

Р2
Ф36

Ф $\frac{70402-059}{\text{М158(03)}-81}$

СИЛЬНЕЕ НЕТУ ПРИТЯЖЕНЬЯ

* * *

Свиристели в сквере городском,
С севера далекого, наверно,
Вежливо кивают хохолком,
Свиристят торжественно и мерно.

То ли звук привета, то ли зов,
То ли так, задумчивое пенье...
А вокруг — скрипенье тормозов
И колес летящих нетерпенье.

Птицы принесли благую весть —
Жив за горизонтом лес таежный!
Дышит и надеется. И здесь
Многое от этого надежней.

Катил трамвай
С конечной остановки,
Строенья город вздыбил впереди.
Старик какой-то,
Дряхлый и неловкий,
Цветы лесные
Прижимал к груди.

К пальто,
Что походило на халат,—
Три ландыша
И несколько фиалок.
Букетик мал,
Растрепан и помят
И потому так трогательно жалок.

Старик собрал его
Не на продажу.
И если кто-то спрашивал —
«Нет, нет!..» —
Он отвечал с поспешностью — и даже
Другой рукою
Заслонял букет.

И кожа пальцев,
Схожая с кирзой,
Была такою грубозадубелой,
А в них сверкал
Непролитой слезой
Цветок любви,
Таинственный и белый.
И, несмотря на гул толпы,
На крик,
Порой впадал в задумчивость старик
И был недвижен в толчее трамвайной.
И лишь светились ласково черты.
Старик молчал,
Кому-то вез цветы
И смутно волновал
Своею тайной.

Что значили они
В его судьбе?
Мне не узнать.
А душу защемило

Сочувствие ему.
И о себе
Подумалось —
В прощальные года
Тебе вот так же
Будет что-то мило?
Чему бы мог отдать
Остаток силы,
Вниманья,
И заботы,
И труда...

ИНОПЛАНЕТЯНКА

Наверно, ты с другой планеты
Спустилась к нам на выходной.
У нас в округе, знаю, нету
Такой красивой ни одной.

Идет к закату день воскресный,
И на отеческий порог
Должна к родителям небесным
Ты возвратиться точно в срок.

Осилить звездный путь безмерный
И постучать в родную дверь.
Пора! Поэтому, наверно,
Ты так задумчива теперь.

А я с тобой — счастливый самый.
Другого счастья не ищу.
Тебе дорога к папе с мамой,
А я тебя не отпущу!

Пусть дрогнет в небе звезд движенье —
Ты не расстанешься со мной.
Сильнее нету притяженья,
Чем волшебство любви земной.

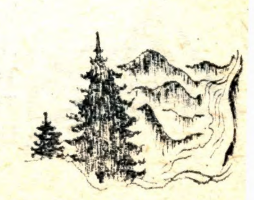
Говорят, ты выдумана мной
Лучшая, чем есть на самом деле.
Скрасила собою мир земной,
А они тебя не разглядели!

Не придумать лучшей красоты!
Разом отметаю все попреки:
Все равно не кто-нибудь, а ты
Вдохновить смогла на эти строки.

Уснуло все — ни огонька, ни звука.
А все равно тебе покоя нет.
С заката начинается разлука,
А возвращает милую рассвет.

Спят лес и степь. Белея, дремлют
вишни.
Но в эту ночь с тобой не сладит сон.
Он чужд душе взволнованной, он
лишний.
Ну как уснуть — забыть, что ты
влюблен!

✦✦✦

Женщина в любви самоотверженна,
Все отдаст, всем жертвует для нас.
Потому сперва так долго сдержанна —
Выберет на жизнь, а не на час.

Пусть в очаг, что мысленно построила,
Стужи не надышит вихрь чужой.
Надо, чтоб за что-то вправду стоило
Заплатить всей страстью — всей душой.

Когда растают горы снега,
Опять воскреснув,
Став живой,
Вода внезапно вспомнит небо —
И вся нальется синевой.

И я очнусь, и будет странным
День, доброй вестью полон весь.
Как в блеске молнии нежданной
Увижу — ты на свете есть!

Дней промороженных лавина
Порой течет, как снег по льдам.
Но есть особая причина
Моим заботам и трудам.

Душою тайно движет что-то.
Так судну компас верный дан,
Так у весенних вод забота —
Найти дорогу в океан.

АЛЬПИНИСТЫ

До небес громадой каменистой
Вздыбилась гора — сумей взойди!
Альпинисты бились, как монисто,
На крутой базальтовой груди.

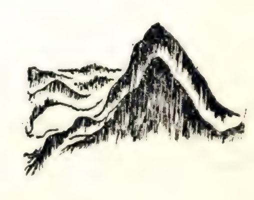
А внизу: гляди — и восторгайся
Кружевом кизила и хурмы.
Высота грозила:
— Не вторгайся
В ледяную вотчину зимы!..

Но дробили камень ледорубом,
Высекая искры из кремня.
И уже ботинком острозубым
Попирала облако ступня.

Избегали осыпей. Сноровкой
Удивляли тура и орла.
Девушка под мерзлою штормовкой
Ветку майской яблони несла.

Старый пик с весной не знался сроду,
Прозябая в скуке. Никогда
На вершину не было ей ходу —
Только до морозной кромки льда.

И взошли. Смотрели, словно с неба.
Сами удивлялись, как сильны...
Девушка на глыбе льда и снега
Укрепила веточку весны.

Опять доживаем с тобой до тепла,
До выси насквозь голубой,
До майских ночей, чья прозрачная мгла
Шаманит, полна ворожбой.

Весна изукрасит и рощу, и дол,
И ласточек в небо вонзит.
И лето гудящими пулями пчел
Все цели цветков поразит.

Ласкаясь, подставила солнцу изба
Столетний морщинистый бок.
И сладко, и горько: «Судьба — не
судьба?» —
Пошел ворковать голубок.

Чего-то ищу по родной стороне,
И сердцу больней и больней.
Чего же еще не хватает весне?
Счастливой улыбки твоей.

Вернулся в край, которому обязан
Тем, что на свет явился и живу.
И в прежней силе дедовские вязы
Опять передо мною наяву.

В душе, как в небе,— ни единой тучи.
Жизнь возвращает старые долги.
Последний долг:
По лестнице скрипучей

Вот-вот прошелестят
Твои шаги.

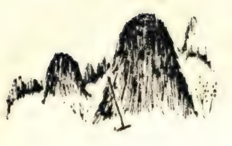
Не думал, что дано надежде зыбкой
С такою силой возродиться в ней.
Мне улыбнулся день твоей улыбкой,
Несбыточной мечтою прежних дней.

Решилась — и как будто в омут с кручи!
Внезапно то, чего годами ждешь.
Вот-вот шаги по лестнице скрипучей
Наверх взлетят, как птицы,—
Ты идешь!

На майских соснах праздничные свечи.
И еле слышный ветер в вышине.
И счастье приближается.
И вечер.
И голуби воркуют в полусне...

✦✦✦

Соловей не поет на чужбине.
Возле моря немыслимой сини,
Где бананово-пальмовый рай,
Не забудет про нашенский край.
Но, озябший на севере где-то,
На затерянном краешке света,
Где вчера воеводил мороз,
Где черемуха в цвете буранном,
В уголке неизменно желанном,
Между сладких весенних берез,
Загорится — и вывернет душу!
Всех заставит дивиться и слушать
Этот свист, этот гром, этот щелк —

Колдовское, чудно́е, родное,
Вдохновленное русской весною...
До утра не изведал покоя
И почти ни на миг
Не умолк!

ЗНАЧИТ, БУДЕТ ПОМНИТЬ КТО-ТО...

Подступили близко грозы,
Свежий ветер гром принес:
Едем мы помочь колхозу
Всею ротой на покос.

Потому что нам по силе
До небес сметать стога,
Потому что нам Россия
Каждым лугом дорога!

Если надо — значит, надо,
Позовут — солдаты тут!
А когда девчата рядом,
Так и вовсе труд не в труд!

Соревнуемся друг с другом —
Пусть оценят нас с тобой!
Встали горы среди луга!
Старшина дает отбой.

— По машинам! По машинам!..—
Понеслось из края в край.
Ты платочком помаши нам,
Да, смотри, не забывай!

Рота песню запевает,
Ветер бьет через борта,
Словно море, уплывает
Луговая красота.

За стогами гром рокочет,
А под синью грозовой
Бьется пестренький платочек,
Как цветочек луговой.

Значит, будет помнить кто-то
О горячем этом дне,
О солдатах нашей роты,
О тебе и обо мне...

Пронзая сердце радостью и болью,
Чудит весна. Ни снега и ни льда!
Кипит река. Играет водополье,
В прибрежный лес торопится вода.

В покорно расступающейся чаще
Вплотную подступает к деревам.
И слышен голос, ласково журчащий:
— Ну до чего соскучилась по вам!..

Над желтою каймой береговою,
Красавец, недоступный в вышине,
О тайном лес шептал листвой и хвоей —
И только отражался на волне.

Но все доступно праздничному маю,
Когда и ночи бодрствуют, светлы...
Река волной кипучей обнимает
Шершавые и гулкие стволы...

ЦВЕТЕТ ЖАРОК

Не ездить вдаль, где край земли,
Я положил зарок.
Но в той немеркнущей дали
Сейчас цветет жарок.

Он жарче жаркого огня
Цветет над вечным льдом!
Горит он в сердце у меня
И сердце жжет стыдом.

Где в реках лед зимой до дна
И лету снег знаком,
Ошиблась девушка одна,
Назвав меня жарком.

И мне трудней день ото дня,
Морозней, что ни час,
Без веры ласковой в меня,
Без тех счастливых глаз.

Я говорил себе:
— Чудак!
Обратно нет дорог...
Я мог чудить,
Мог думать так,
Пока не цвел жарок.

Из ямы в яму самолет
Несло через хребты.
Пусть в самый снег,
Пусть в самый лед —
Хочу туда, где ты!

Жить друг от друга вдалеке
Нельзя —

Удел жесток.
И как хорош в твоей руке
Нестынущий цветок.

Он не утратил жаркий цвет
За долгие века.
И на земле, наверно, нет
Надежнее цветка.

И так всегда к себе зови,
Всегда на этом стой,
Цветок надежды и любви
Над вечной мерзлотой.

Гори —
И дольше не сгорай,
И вновь раскройся в срок.
Сердца и землю согревай
Теплом своим,
Жарок!

ТЮМЕНСКИЕ ВЕРСТЫ

Горячишь «Москвича» над зыбями
болот,
Где лежневка легла золотою обновкою.
И на МАЗах грохочущий встречный
народ
Ты порой удивляешь улыбкой неловкою.

Мол, куда и зачем этот блеск, этот лак,
В трудовых колеях мишура неуместная?
— Не за почтой на станцию гонишь,
земляк?
— Нет,— смущенно ответствуешь ты.—
За невестою!..

Хоть не знают ее, но оценят задор:
Не нырнула в уют близорукою
мышкою —
Предпочла удалой, ураганный простор,
С неохватной тайгой,
С поднебесною вышкою.

Работяги примолкшие смотрят вослед,
Дескать, вот оно что! Дескать, дело
серьезное.
И в усталых глазах — неожиданный
свет,
Как сиянье полярное
Ночью морозною.

Дождя природе не хватало,
Земля, нагревшись добела,
Травинкой каждою пылала,
Томима жаждою, ждала.

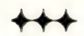
И туча шла, темня высоты,
С глубинным рокотом, с трудом.
И вдруг споткнулась обо что-то
И наземь рухнула
Дождем.

На изнывающие нивы,
Дробясь и влагою пыля...
Как бы от бури слез счастливых,
Вся блеском вспыхнула земля!

Так принимала дождь, так рада
Была концу безводных дней...
А небо градом,

Градом,
Градом
Вдруг принялось хлестать по ней.

В садах, побитых, поределых
Стук неналившихся плодов.
Земля
В минуту поседела,
Как от ноябрьских холодов...

Вот уходит за кадр
Солнце, милое людям.
Распылался закат —
Завтра ветрено будет!

По безмерности вод,
По махине озерной
Злая зыбь сыпанет
Беспокойные зерна.

Будь к авралу готов,
Чтоб ручищею шквала
Ни судов, ни плотов,
Раскачав, не сорвало...

Если б знать наперед,
Что беззлобные с виду
Эти губы вот-вот
Бросят слово обиды!

Чтоб собраться успеть
В вихре темном и душном,
Улыбнуться суметь
Ртом совсем непослушным.

Улыбнуться тебе
Сквозь наносность ненастья,
Улыбнуться судьбе —
Возвращению счастья.

КОСАЧИ

Уже неяркие лучи
Туман знобящий разорвали,
И на болоте косачи
Как по весне —
Затоковали.

Как будто вспомнив о былом,
Опять пошли, пошли вприскочку,
И одного другой крылом
Азартно сталкивает с кочки.

Уже не тот, не смертный бой,
И все спокойней — как в спектакле.
Весною, дескать, мы с тобой
Сражались тут не точно так ли!

Да, мы кидались грудь на грудь,
Не зная страха и пощады.
И ты об этом не забудь
В глухую пору снегопада.

Не позабудь, что есть любовь!
Пока не снег — пляши на шпорах.
Придет весна — и вспыхнет вновь
Наш молодецкий нрав,
Наш порох!

В осенний день колол дрова.
В работе ловкой и задорной
Освобождалась голова
От горьких дум,
От грусти черной.

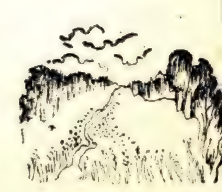
Гремящий, рушился топор,
Сверкнув под облачною мглою,
И точно весь сосновый бор
Дышал проснувшейся смолою.

Всхрапнула печь, как добрый конь:
Сквозь груду радужных поленьев
Пробился весело огонь —
И начиналось потепленье.

Дым все приветливей крутил
Хвостом, раскинутым над крышей.
Не то чтоб я тебя простил,
Но слов обиды
Не расслышу.

Потом обед готовил сам
И в кипяток ссыпал картошку.
И мельком видел по глазам,
Что ты оттаяла немножко.

В глухой избе,
В крутой трубе
Так славно пел огонь — и вот оно
В душе, а может, и в судьбе
Тепло прощенья
Заработано!

***

Пора осенняя, прощальная,
Листвы и птиц большой отлет.
Тепла княгинею опальною
Напрасно лиственница ждет.

Под ветром клонится, усталая,
И трудно выпрямиться вновь.
Но, вся в огне, рябина алая,
Как запоздалая любовь.

И под метелью не смиряется,
Хранит в себе июльский зной
И только пуще разгорается
Под снеговою сединой.

ДУБ

Так обожжен — калека,
Телом могучим груб,
Знать, наделен от века
Доброй душою дуб.

Молнии бьют в вершину,
Яростен грома бас.
Ясень, ветлу, осину
Дуб, заслоняя, спас.

Встал против тучи темной,
Тяжко богатырю:
Я, мол, такой огромный,
Может, не весь сгорю!..

ЧУДО

Все бабы повторяли: «Чудо! Чудо!..»
Ведь первый раз солдат пришел оттуда
Не ранен,
Не контужен,
Не простужен.
А орден на груди — в боях заслужен.
Там побывал — и никакой порухи!
Крестились, повстречав его, старухи,
Казалось, верно, им явленье это
Подобным возвращенью с того света.
Да, вот какою та война была!
И это я вовек не позабуду,
Как повторяли бабы: «Чудо! Чудо!..»,
Дивясь, что хоть одну избу села
В годину бедствий обошла утрата,
Тому, что та война, призвав солдата,
Живым и невредимым отдала.

ТРУДОВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Как мы вдвоем метали стог —
Дивилась вся Вселенная!
Я, недоросток-паренек,
И баба здоровенная.

Копила силу до войны,
Могуча, как медведица,
А солнцу с жаркой вышины
К закату все не едется.

В глаза мне сыплется труха,
Гудит башка бедовая.

Трав невесомых вороха —
Как гири трехпудовые.

А Фекле это не впервой.
Кричит:
— Проворней, миленький!
Живей вертись, пока живой!..—
И я ей шлю навильники.

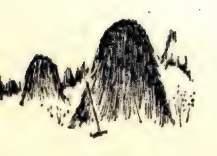
Ну никакой пощады нет,
И чувство вовсе жуткое.
Ну был бы вместо бабы дед —
Занялся б с самокруткою.

Я отдышался б той порой —
Желание заветное!
Не больно дорог сын чужой,
Когда сама бездетная.

А мне всего тринадцать лет,
И боль в плечах саднящая.
И настоящей силы нет,
Но гордость настоящая.

Какой ни есть, но я мужик,
Пускай не равен силами,
Сродни крестьянским вилам штык,
И я шурую вилами.

Отец ушел фашистов бить —
Я в след смотрел завистливо.
Но чтоб скорей победе быть,
От каждого зависело.

В глазах — багряные круги,
Все тело потом облито.
И в синем небе две ноги —
Как два сдуревших облака.

Мнут сено, пляшут на стогу
И я, что руки слабые,
Умру — признаться не смогу:
Зазорно перед бабою.

Глазами черными глядит:
Мол, я тебя замучаю!
Мол, успевай, а то грозит
Дождливый запад тучею.

Вот задохнусь и грохнусь... Врешь —
Еще не все потеряно!
И лишь предательская дрожь
Взбегает к ней по черену.

Сказала, взяв последний взмах:
— Ну, все ж запасик на зиму!..—
И на заду, как на санях,
Со стога едет на землю.

Иду за ней и не стону,
Безмерно рад спасению.
Огонь веселый на стану
И свежих щей кипение.

И я с напарницей сажусь
И у костра обедаю.
И про себя вовсю горжусь
Сегодняшней победою.

Держусь — не сразу ложку в рот,
Чуть-чуть солидно мешкаю.
И все боюсь, что обожжет
Напарница насмешкою.

Тогда болеть, болеть душе
И выпрямляться заново.

Шагаю к сену в шалаше,
А ноги — как у пьяного.

Все мышцы тела моего
Палит огнями жаркими.
Прилег.
А Фекла ничего,
Беседует с товарками.

Дождь простучал по шалашу,
Тепло порывом выдуло.
Я об одном судьбу прошу,
Чтоб слабака не выдала.

И голос Феклы:
                    — Ведь
не распоймешь которого:
Парнишка — не на что глядеть,
А как работал здорово!..

В глазах моих плывут валы,
И стог, и луг туманится.
Усну, но слово похвалы
Звучать в душе останется.

ДО ПОСЛЕДНЕГО МИГА

Дзот гудел,
Крутосклон от фугасок дрожал,
На корню осыпалось каленое жито.
В одиночку солдат оборону держал,
Лужей кровь студенела
У ног перебитых.

А сквозной ветерок уходящего дня
Овевает прощальным приветом.

И кончается кровь.
Ни друзья, ни родня
Никогда не узнают об этом.

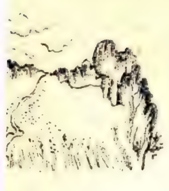
Пить бы воду взахлеб,
Ковш — в единый глоток!
Ах, как плещутся щуки в весеннем
Тоболе!..
От осколков ладошкой кривится щиток.
Сердцу больше не выдержать боли.

И тускнеющим взглядом
За целью следя,
До последнего мига сражаясь —
по-русски,
Сник, в посмертном усилии руки
сведя,—
И железные пальцы
Замкнулись на спуске.

Отстучал пулемет.
Немцы ждут — не ползут,
Десять,
Двадцать минут.
Вновь огонь не вспугнуть бы!
И великих сражений
Решаются судьбы,
И победа к нам ближе
На двадцать минут.

ГОРИЦВЕТ

В жестоких сражениях
Всякое было —
Осталась безвестною эта могила.

Над ней ни речей
И ни слез.
В лесу, что военной грозой искорежен,
Никто не прошел между черных
валежин,
Солдату цветов не принес.

Живица сверкает
Капелью янтарной.
И лес набирается сил.
И словно солдату навек благодарна
Земля, что в бою защитил.

Земля наполняется
Музыкой весен,
И плачут березы над ним,
И в полдень
Дыханье несломленных сосен
Плывет ветерком смоляным.

И пласт,
Что корнями они перевили,
Наверно, ему не тяжел.
Взошел горицвет
На солдатской могиле
и в праздник Победы
Расцвел.

ЩЕДРЫЙ ЛУГ

Над лугом,
Щедрым на цветы,
На сено и на мед,
Огнем прицельным с высоты
Бил вражий миномет.

У немцев явный перевес.
— Кончай, ребята, бой!..—
Звучит команда.
Значит — в лес,
И раненых — с собой.

Дубов раскидистый шатер —
Походный лазарет.
Но нет врача,
И нет сестер,
Да и аптечки нет.

Но слух дошел
Кружным путем
До тех глухих дубрав,
Что бабка есть в краю лесном —
Знаток целебных трав.

— Ну, хлопцы,
Вроде повезло!..
Из леса через луг
Пришли разведчики в село,
В окошко к бабке
Стук!

— К тебе за помощью в ночи —
Мы словно бы к врачу.
Ребят в отряде полечи!..
А бабка:
— Полечу!

Лишь взять в корзину с чердака
Лечебную траву.
Ну вот, достаточно пока,
А там опять нарву!..

— Поможешь, бабка?
— Помогу!..

Идут. Встает рассвет.
Ей поклонился на лугу
Багряный горицвет.

И золотистый чистотел
Просился в руки сам,
Как будто он помочь хотел
Израненным бойцам.

И словно так же зверобой,
Кивая на пути,
Хотел пожертвовать собой
И раненых спасти.

Вглядится бабушка в цветок,
Запомнит, где растет.
Поправит клетчатый платок —
И потрусит вперед.

Лежат бойцы —
И жар, и бред,
Не просят пить и есть...
Казалось, им спасенья нет,
А бабка твердо:
— Есть!..

Казалось, смерть
Свое возьмет,
А бабка:
— Нет, постой!..—
И в рот беспамятному льет
Целебных трав настой.

Земли родимой сила в нем,
Родного солнца свет.
И тот, кто весь пылал огнем,
В беде не сдастся, нет!

И вот уже он на ногах,
А там, глядишь, в строю!
И бой ведет,
Врагам на страх,
За Родину свою!..

И вспоминали
Щедрый луг
Те воины не раз,
Кому вернул он силу рук
И меткость зорких глаз.

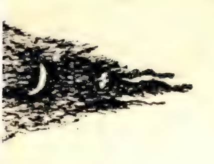
И не забыть им дубняка
В кольце лесных застав
И той старушки — знатока
Целебных русских трав.

Цвети, наш луг!
Пыльцою сей.
Мы знаем —
В трудный час
Земля родная
Силой всей
Поддерживает нас!

ГЛУХОМАНЬ

Колосья гнутся до земли,
На край дороги нависая.
По теплой, бархатной пыли
Ступает девочка босая.

А пыль просядет под ступней
И проступает между пальцев.
Довольна девочка: чудной
Навстречу дяденька попался.

Видать, не здешний — не знаком.
Тут всем привычен каждый местный.
Идет, клонясь под рюкзаком.
Куда и с чем? А неизвестно!

Закат нахмурился, сердит,
Не тучи — птиц зловещих перья.
Босая девочка глядит,
Полна вниманья и доверья.

Грызет медовый стебелек
Былинки, сорванной попутно.
А мне-то что! Так путь далек,
Так на душе темно и смутно.

И разминулись мы молчком,
И оглянулись друг на друга.
И уплыла она — цветком
Косы не знающего луга.

Ей шаг шагнуть под отчий кров,
А мне всю ночь брести далече.
Ни хат приютных, ни костров,
Ни глаз приветливых не встречу.

Шагай, шагай! Ребята ждут,
Велят надеяться друг другу.
Не потерять бы свой маршрут
И не плутать во тьме по кругу.

Иду. Слепит туман ночной,
Трясина дышит пастью зыбкой...
Спасибо, девочка! Со мной,
Как светлячок,— твоя улыбка.

БРАТОК

Трофейный конь
Буланой масти
Вздыхал, суставами хрустел.
Был так понур
И так несчастен,
Но выжить все-таки хотел.
Простясь с разбитою повозкой,
Стоял привязанный к столбу,
От пули алая полоска
Еще кровавилась на лбу.
Под кожей, стертою и жесткой,
Не утихая билась дрожь...
А был когда-то конь хорош!

Крут поворот судьбы военной.
Его возница — нынче пленный.
Вокруг коня чужие люди,
Немолчный гул чужих орудий,
Чужая дымная броня.
Понятных слов никто не скажет.
А впрочем, всюду для коня
Повозку сыщут и поклажу,
Найдутся кнут и руготня.

Конь думал, медленно и смутно,
Что в крутоверти фронтовой
Так страшно все и бесприютно,
И места нет душе живой.
Горит земля, и небо грозно,
Бомбежка десять раз на дню...

Наш пожилой солдат-обозник
Отрезал хлеба, дал коню.
Он черный хлеб
Посыпал солью,

Обычай дедовский храня.
И встал, посматривая с болью
На изнуренного коня.

А конь доел
И благодарно
Глазами влажными взглянул
И воздух, темный и угарный,
Ноздрями чуткими втянул.

И вдруг заржал.
Родная пушта —
За перевалом! Недалек
Родимый край его.
Неужто
Оттуда этот ветерок?!
И вспомнил он свою округу,
И травяные волны луга,
И то, как пашню режет плуг...

— Ну что — весну почуял, друг? —
Бойцы шутили.—
Понимаем
Тебя, браток. Пахать пора!..
И танки, двигаясь к Дунаю,
Гудели, будто трактора.

А ветер шел с Дуная к Польше,
Хватал за гриву, звал домой.
И тряс коняга головой:
— Как славно дома, люди!
Больше
Не надо войн,
Не надо войн!

ОТЦОВСКАЯ ГАРМОНЬ

Молчит гармонь. Лады блестят.
Их мальчик тихо тронет —
И, как израненный солдат,
Гармоника застонет.

Как будто просит:
— Не тревожь
Давно умолкшей боли!..
А за окном сверкает рожь,
До края неба — поле.

Отец для матери во ржи
С гармошкой пел до света.
— А голос был какой, скажи?
— Да не расскажешь это...

У тех берез, над той тропой
Лады сверкают снова.
— Отцовским голосом пропой,
Гармоника, хоть слово!..

✦✦✦

Прекрасна скромностью исконной,
Простая Русь жила в посконном,
В нем шла по топям и снегам.
А яркость — только по иконам
Да майским цветом по лугам,
Да блеском сабель — по врагам!

СОЛЬ КАМСКАЯ

В тайге величавой и строгой
Просторная Кама-река
Слыла соляною дорогой
Еще до времен Ермака.

Товары любого разбора:
Дай тонкую пряжу ткачу,
Охотнику — гончую свору,
Купеческой дочке — парчу.

Но кто обойдется без соли!
Она не по вкусу кому?
Нужна и боярам, и голи,
Монахам и ратникам в поле,
Дьякам — и царю самому!

Бела, как снега и березы.
Бери ее, вешай, грузи,
В корзине неси
Или возом
К себе на подворье вези!

С ней порчи не знает капуста,
И груздь — удалой молодец,
И радует соком и хрустом
До самой весны огурец!

Униженный, битый нередко,
Холоп на торгу соляном
За пазухой сыщет монетку
Под рваным своим зипуном.

Чтоб весело вспыхнувший грошик
На миг отпугнул нищету
И соль забелила порошей
Ржаного куска черноту...

ЕРМАКОВА ТРОПА

Стараясь для Русской державы,
Ермак, атаман боевой,
Приплыл на ладьях к ледоставу
В верховье реки Чусовой.

А дальше — не сыщется ходу,
Зима навалилась, крута,
В сугробах, не виданных сроду,—
До самого гребня хребта!

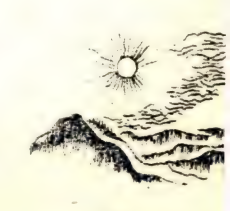
Казалось, расправится с ними
Коварней лихого врага.
И зубы клещами стальными
Вышатывать стала цинга.

В сугробы забились тетери,
В берлоге — медведь-домосед.
А ратники в дымной пещере
Варили ремни на обед.

Но только в тайге прозвучала
Весенняя песня желны,
Они с чусовского причала
В Сибирь потянули челны.

Впрягались не хуже, чем кони.
У лодок своих в кабале,
Весь день изгибались в поклоне
Кремнистой уральской земле.

Лишь сладить бы с каменным кряжем,
А под гору легче идти.
Но сосны, как горная стража,
Встают на бурлацком пути.

И просеку, будто для сплава,
Рубили в дремучем бору.
Руками в мозолях кровавых
Ладьи опускали в Туру.

Плыви сквозь боры вековые!
Громада Сибири — внизу!
И руки казачьи впервые
Дрожа утирали слезу...

А там, где с трудом небывалым
Они протащили суда,
По самому гребню Урала,
Чернея, легла борозда.

Травою тропа зарастала,
Терялась на склоне крутом.
Водой, дождевою и талой,
Ее размывало потом.

Тех сосен там нет и в помине,
Но, врезан в хребет на века,
На гребне его и поныне
Не сгладился след Ермака!

КОЛОКОЛА

Петр велел снимать колокола
С древних звонниц,
С белых колоколен.
Красота их наземь поплыла,
Будут пушки — царь зело доволен.
А молва чего не наплела!
Дескать, он один из всех царей
Спорит с благочестием упрямо.

Приказал — и прут на кровли храмов,
К маковкам святых монастырей
Мужики лохматыми чертями!
Видишь — испечатали лаптями
Золотой работы купола.
Из небесных гнезд колокола
Рвут, как рвут сережку из ушка
У купчихи на большой дороге.
Волокут, лишают языка,
Вкатывают с уханьем на дроги
И увозят тайными путями,
Торопя коней вовсю плетями,
Оставляя слухи и тревоги...

Сбил нечистый с толку государя!
Православных звать к обедне как?
Днем тревожным как в набат ударить,
Если подойдет под стены враг?

Чудов монастырь обезголосел!
Срок пришел собору Покрова...
Старицы и старцы рвут волосья,
Шепчут непотребные слова.
Ладаном пропахшие старушки,
Глаз не осушая, слезы льют.
Император дерзостен и лют!
Перельют колокола на пушки,
Благовест сменяют на салют!

Все в стране подвластно воле царской.
В страшном месте — в слободе
пушкарской
Огнь, подобный адскому огню,
Воющий, слепящий, языкастый,
Разом, будто грешника, сграбастал
Колокол, побитый и немой,
Опоясал черною каймой,

Раскалил в геенне добела.
Тяжко охнул колокол — и баста!
Медь, подобно воску, потекла.
Страшное и дивное творилось,
Святость сизым дымом испарилась,
Вся былая кротость претворилась
В ярость орудийного жерла...

Медь, что возвещала временам
Голосом набатным:
— Горе нам!
Горе нам — опять враги идут!..—
Пушками вкатилась на редут.
Пушки взгляд угрюмый наведут,
Оглядят гостей незваных с вала.
В тот же миг прикинут бомбардиры:
— Чем вас, иноземные задиры,
Угостить — картечью иль ядром?..
Молнии заблещут над бугром
И собьют колонны встречным шквалом,
Расшибая шлемы и кирасы,
Оглушая битву грозным басом,
Непреклонным, как небесный гром!..

КИЖСКОЕ ДИВО

Бил челом великий плотник Нестер
Небу, солнцу, водам и ветрам.
Чаял возвести на этом месте
Здешней красоты достойный храм.

И пока не кончил,—
Кроме дела,
Не хотел утехи никакой.

Русь на мир из глаз его глядела,
Руку двигал Север колдовской.

Не грешил. И чарку прочь хмельную!
Богу — раб, а делу — господин.
Ни в бревно, ни в плаху смоляную
Гвоздь не заколочен ни один.

Мужики сошлись в его артели —
В плотницком художестве тузы.
Звезды удивленные глядели
Ввечеру сквозь хитрые пазы.

Некогда для баб изладить кросна
И для рыбаков срубить причал.
Голова в поту — как вереск росный,
Тело усыхало, дух крепчал.

Как они рубили, как тесали,
Как строгали — братскою гурьбой!..
В хороводах стружки отплясали,
Смолкло все, как схлынувший прибой.

Топоры погасли и долота.
В час, когда жар-птицей верхний крест
Взмыл и в небе вспыхнул позолотой,—
Все в восторге замерло окрест.

И, набрав разгон с крестьянских
кровель,
Взяв у них стремительность конька,
Встала эта церковь как бы вровень
С небом, облаченным в облака.

Зримы с черных пашен,
С рыбной ловли,
С кораблей, с озерной синевы

Двадцать две ее узорных кровли,
Двадцать две сияющих главы.

Любовался Нестер, горд и светел.
Слал Онего волны чередой
На поклон. Трепал рубаху ветер,
Обнимал, играя бородой.

— Лучше не изладишь — все по чину!..—
И тогда недрогнувшей рукой
Нестер свой топор метнул в пучину
И, вздохнув, промолвил:
— На покой!..

А какой покой, когда до снега,
До бурана, взбившего вихор,
Вглядывались парни в глубь Онега
И ныряли в зыби:
— Где топор?..

И хотя уменью нет границы,
Были, есть и будут мастера,—
Но чтоб с тем топориком сравниться,
Не нашлось другого топора.

Может, и найдут. А годы — мимо.
Не боясь ни ветра, ни дождя,
Прожила века неодолимо
Церковь без единого гвоздя.

Отражалась, блестки рассыпала
Там, где стерлядь острая спала,—
Будто церковь в озеро упала
И в воде купала купола.

Нет, не рухнет! Стены в древней
смоли —
Крепости и мощи боровой.

Странники брели на богомолье —
Ахали, качали головой.

Шаг — и застывали без движенья,
Чудодейных чар не побороть.
И светился храм Преображенья,
Все преображая — дух и плоть.

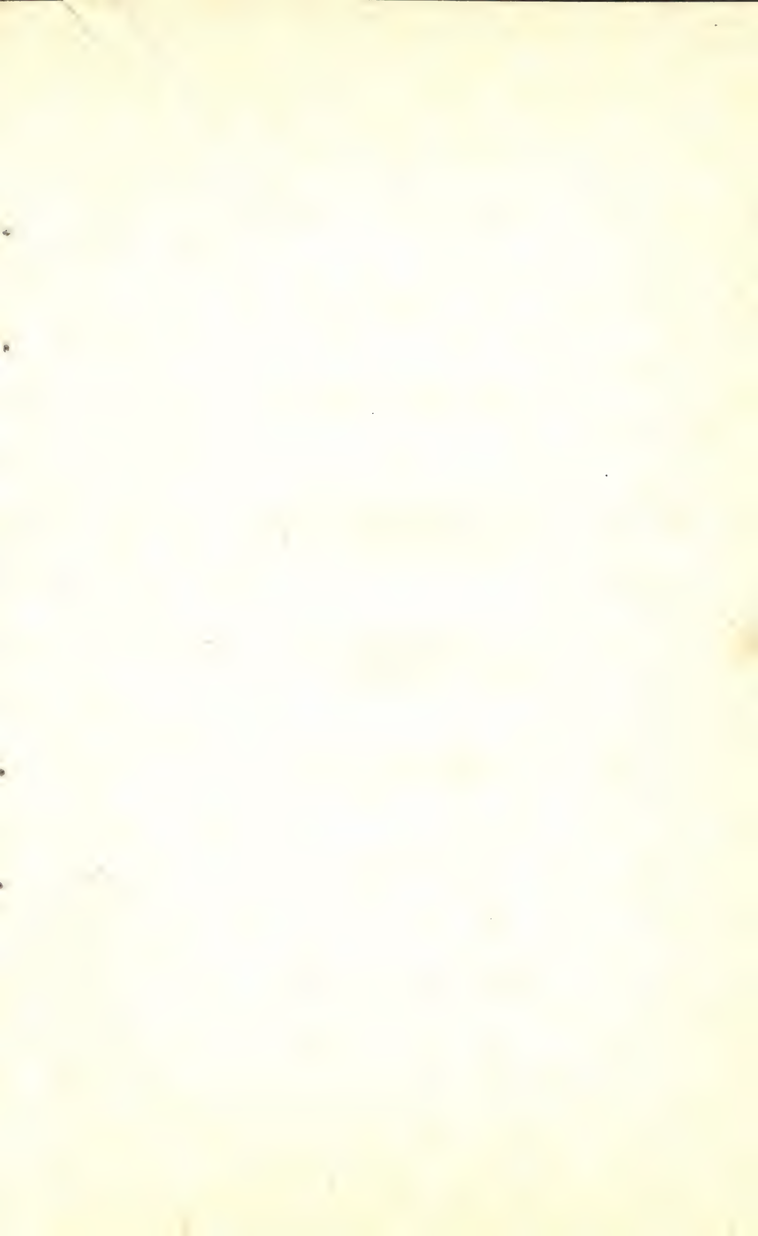
Исцелялся хворый и увечный,
Видя эту стать и слыша медь...
Жить творенью дивному — и вечно
Славой на устах людских шуметь.

ШАЛЯПИН НА ЧУЖБИНЕ

Он не лишился голоса и слуха,
По виду прежний — яркий и большой.
Но, кредитором стоя над душой,
Гнетет недуг, и сердце бьется глухо.
И что ни год — дыхание короче.
Уже тускнеют дни его. А ночи!
Никто не знает, как темно и трудно,
Когда тоска, что днем была подспудной,
Берет за горло — и до слез тужи.
Рубцами по живому — рубежи!
Уже над нитью жизненною парки,
Наверно, занесли свои ножи.
Не вывезут микстуры и припарки.
А как дышалось на родном ветру!
Пропариться б, чтоб разогнать хандру,
Как в Сандунах,
Как в Вятке,
Как бывало!
Да кто здесь баню выстроит, скажи.

Строители! Понятья нет ни в ком
О русской бане, с каменкой, с полком,
И только б в небо громоздить им залы...
Сам начертил, сам вывел чертежи,
Разметил все, как память подсказала.
И, видимо, она не подвела...

Веселым паром баня обняла,
Прожгла нещадным кипятковым варом
И мигом раскалила докрасна,
И оделила радостью сполна,
Какою на Руси всегда она
Жизнь высветлить могла почти что
даром
И горькой нищете, и знатным барам.
Он словно бы еще и не был старым!
Кричит:
— Еще поддай! Плещи, плещи!..
И отступают боль с житейской прозой.
Над каменкою пар от зноя розов,
Свистит береза, прошибают слезы,
Но этих слез отрадней — поищи!
И все перемешалось — явь и греза...
И кажется — шумят Арбат и Пресня,
И стонет лес,
И снегом луг покрыт,
И все вернется —
Молодость и песня,
И родина, как мать, заговорит...

ТРЕВОГИ И РАДОСТИ ВЕКА

ЗЕМЛЯНИКА

Выпала роса — дождя не будет.
С вечера погоды ждали люди,
Вот и зашумели на дворе
На веселой ягодной заре.
Долго ждали, видели во сне.
По зиме еще и по весне
Заплетали гибкие лозинки,
Ладили упругие корзинки,
Из бересты гнули туеса...

Уродилась дивно земляника,
Ягод-то красно — рясой ряса!
Не зови она да не мани-ка
В боровую синь из ближних сел,
С теплых постилух не подними-ка!
Деревенский люд в поход пошел.
Даже вовсе малые ребята,
Пересилив дрему и зевки,
Торопливо тащат кузовки.
Этим в пору прокормить себя-то,
А родне насмешливой на суд
Из лесу немного принесут.

Сухонькие, шустрые старушки
Видят лес насквозь с его опушки,
Как в своем саду, любая там
Путь находит к ягодным местам.
Никакой утруски и усушки!
Не придет на ум поесть самой,
Все доставит в целости домой!

Девушки — как ягодки лесные,
На щеках румянцы озорные,
Отраженья потаенных дум.
Вместе с ними — песня,
Радость,
Шум.
При парнях аукаются чаще.
И приходит женихам на ум:
Ягод много, а какая слаще?
Есть ведь и такие, что горчат...
Бабы строго смотрят на девчат:
Долго ль заблудиться в здешней чаще!
То-то, девки — ветер в голове...

Каплями зари висит в траве
Земляника спелости манящей.
Вызрела царица русских ягод!
Месяц ешь — здоровья хватит на год...
Солнце высь пронзает желтой пикой,
День все ярче — ягоды красней.
Срок настал — созрела земляника,
И Россия кланяется ей!

ЩЕГОЛ

Солнце — веселый и добрый глаз,
Глянет — и нету мглы.
Будто свистит по стеклу алмаз,
Ясно: летят щеглы.

Замер Вовка, надежда жгла,
В землю впилась рука.
Подумалось смутно, что взять щегла —
Как будто брать языка.

Голодным птицам на взлете дня
Кстати горсть конопли.
Гулко хлопнула западня,
Как по команде: «Пли!..»

Щегол пообвык — неделя прошла.
Петь в клетке его удел...
Вовка в избу на краю села
Радость внести хотел.

Недвижным пластом лежал инвалид
С войны, с грозовых годин.
— Пускай хоть щегол его веселит,
А то человек один...

Вовка вошел и садок — на стол,
Бросил руки по швам:
— Пойманный мною лесной щегол
Прибыл на службу к вам!..

Пичуга цветастая — высший класс!
Любуйся весь день — и недуг далек.
Долго в глазах инвалида не гас
Радости уголек.

Кивнул фронтовик:
— Спасибо тебе! —
Влажную прядь отмахнул со лба.
— Но я не хочу, чтоб моей судьбе
Подобна была и его судьба.

Встревожился Вовка — просчет в мечтах.
— Да,— сказал инвалид,—
Сегодня за многих зверей и птах
Душа у меня болит.

Малыш, если мой он, как ты говоришь,
То клетку и форточку ты открой.

Пусть будет не чей-нибудь он, а лишь,
Как быть положено,—
Свой!..

Порх в узкую форточку, и — со двора
Щегол, набирая разгон, летел.
И день от его золотого пера
Еще счастливее золотел...

ЕЕ ИВАН

Сидит вдова, глядит в оконце,
В завечеревшие поля.
Воспоминанием о солнце
Тепла померкшая земля.

Вороны тянут грузной стаей
К столетним ветлам, где ночлег.
Они и то, видать, устали.
А с яблонь цвет пуржит, как снег.

Еще весна. А завтра — лето.
Всю жизнь в гнездо родное зван,
Глядит с настенного портрета
С ней заодно ее Иван.

В отчет вникает чуть сурово.
И говорит ему вдова
Про огород и про корову,
Потом про сено и дрова.

И, наконец, о главном горе,
Что, мол, не только городьба,
Но подгнила на косогоре
И скособочилась изба.

С хозяйкой вместе захромала!
И надо сруб перебирать.
В округе плотников немало,
Да разберись, кого позвать.

Есть из вчерашних ребятишек.
Скромней берут. В труде — резвей.
А есть и старые — потише,
Зато надежней и трезвей.

Не прост вопрос — и ей тревожно.
— Я, Ваня, старых позову.
Хоть тише сладят, да надежно...
И Ваня смотрит на вдову.

Сваливший немцев, может, сотню,
В бою стоявший, как утес,
Он был в гражданке первый плотник.
— И бревна куплены и тес...

И ждет вдова, боясь запрета,
Одобрит он ее иль нет.
И показалось, что с портрета
Иван кивает ей в ответ.

И дорог ей кивок Ивана.
Он все равно в дому большой,
Не плотью, знамо, бездыханной,
Но вечно чтимою душой.

Луна ущербная восходит
Из-за мерцающих полей.
Решен вопрос — и Ваня вроде
С портрета смотрит веселей.

Пока нужда в его совете
И ждут поддержки от него —
Он жив еще на белом свете
Частицей духа своего.

СЫН ФРОНТОВИКА

Густела тьма
Над кромкою обрыва,
Была беззвездной и безлунной ночь.
Нашептывал приятель торопливо,
На дело звал,
Просил ему помочь.
Во имя дружбы
Постоять на стреме,
На перекрестке,
Около ларька.
Еще с аптечной точностью
В то время
Нам отмерялись
Кубики пайка.
Прельщала баснословная награда —
И кровь пошла
По жилам горячо...
Но тень отца
Внезапно встала рядом,
Ладонь легла
Знакомо на плечо.
Весомая, надежная рука:
— Не забывай,
Ты — сын фронтовика!..

И голос,
Прозвучавший ниоткуда,
Воспринят был парнишкою
Как чудо.
Сожженный в танке
Яростным огнем
Отец-солдат
Заботился о нем...

Приятели
Не тронули ларька.
Та памятная ночка далека.
Но и теперь бывают перепутья.
И что-нибудь слепит
Приманной мутью.
А на плече —
Отцовская рука.
Пока живешь и трудишься,
Пока
Неравнодушно к жизни
Сердце бьется,
Еще не раз в нем,
Верно, отзовется:
— Не забывай,
Ты — сын фронтовика!..

ПАМЯТНИК

Мы, вздрогнув, встали в чаще
нелюдимой,
А кое-кто попятился слегка:
Сосенка, как солдат непобедимый,
Стояла там, колюча и крепка.

А на макушке дерева — пилотка,
И хвоя, точно чуб, под ней как раз.
И острый сук торчит, как штык
короткий,
И смоляной наплыв — как зоркий глаз...

Бой отгремел. Солдата схоронили.
И рота добивать врага ушла.
Оставили пилотку на могиле.
А из земли сосенка проросла.

Была совсем беспомощной и малой,
Но отличалась цепкостью корней.
Тянулась ввысь. Пилотку поднимала.
И так мужала, неразлучна с ней.

Где пламя лес развеивало пеплом,
Где воин в битве рухнул под огнем,
Потом сосенка встала и окрепла
И путникам
Напомнила о нем.

Душа войной обожжена.
В ней нет мучительнее следа,
Чем та несметная цена,
Которой стоила Победа.

Не воевал я — инвалид,
Не числюсь в списках ветеранов,
Но все равно душа болит,
Как незакрывшаяся рана.

Не только грохотом фронтов
И вражьих танков, вражьих пушек —
Голодным плачем детских ртов
И стоном вдов терзало душу.

И как простор наш ни велик,
Но не сыскать в стране сторонки
Такой, куда бы не проник
Мертвящий шелест похоронки.

Но всех потерь не сочтено.
И есть еще одна утрата,

Что в каждом смертном не дано,
Как бы хотелось, видеть брата.

И это с тех военных дней
Душа и в счастье чуть сурова.
И навсегда, наверно, в ней
Осталась зоркость часового.

И потому покоя нет,
Пока, от звезд до колыбели,
У вражьих атомных ракет
Страна родная — на прицеле.

ДОРОГА

Дорогу
Одному не проторить.
Какая б ни вела по свету прыть.
...Едва скользнет тропинка
Под березки,
Утонет, растворится в разнотравье
И вынырнет, и снова станет явью
В пронизанном зарею сосняке.
Но путь-дорога
Все еще в наброске,
Неясная, как стих в черновике.
Еще пройдут десятки налегке,
С синявками в плетеном кузовке
И с костяникой в белом туеске,
Прошитым дегтяным письмом и ржавью.
По-разному пройдут —
С клюкой в руке,
С коровой на пеньковом поводке
И с грузными мешками на загорбке,
Ложки одолевая и пригорки.

И посидят на пне,
И поедят,
И поглядят вперед из-под ладони
Туда, где небо в синих марях топет,
И слово в подходящий миг проронят,
И словом
Направленье утвердят.

Его признает
За селом село.
Проедет воз, вздыхая тяжело,
И грудью конь кустарник протаранит,
Хвостом с боков сметая оводов.
Полосовым железом ободов
Колеса, припечатывая, ранят
Тугую землю — ляжет колея
Из здешних в чужедальние края.
И путь, тобой намеченный, предстанет
На обозренье людям
Набело.

Ни в ком, одном,
На это силы нет.
Не напасешься никаких штиблет,
И ног на это нужно слишком много.
Когда затопчут
Твой последний след,
Тогда считай,
Что родилась дорога!

СТРИЖ

По земле не сделает ни шага.
Все дороги — в выси голубой.
Жизнь — ежесекундная отвага,
Ставшая привычкой и судьбой.

Тьма придет — с горы небесной книзу
На карнизный камень соскользнет.
День блеснет — себя столкнет с карниза
И, свистя, вонзится в небосвод.

Выше крыш, дощатых и железных,
Выше дальнозоркой каланчи
Только он — жилец воздушной бездны,
Стан туч да солнцевы лучи.

Ловкости и силы не теряет,
Неустанно славит высоту.
Я не знаю, как он умирает,
А поет и любит — на лету.

ГРЕЧИХА

А в этот день
Гречиха расцвела,
Раскрылось бело-розовое диво.
Так ладно стало в поле,
Так красиво!
И прилетела старая пчела.
Она уже давно занемогла,
Стыдясь, денька ненастного ждала,
Какого раньше б ввек не пожелала.
А нынче снова солнце запылало,
И на заре гречиха расцвела!..

Не бросить же такую благодать!
И надо молодым пример подать,
Не плакаться на то, что силы мало.
И загудела старая пчела,
И крыльями забила, как бывало.
— А ну-ка подналяжем, ребятишки!..

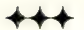
И принялась сновать без передышки
От улья за околицу села:
— Работаем — гречиха расцвела!..
Бодрилась — мол, сумеем, наберем!
А жарко было в полосатой шубке.
Но соты, как фарфоровые кубки,
Прилежно наполняла янтарем.

По виду словно прежняя была,
Как будто и не чувствовала боли,
Дивясь на бело-розовое поле:
— Как здорово гречиха расцвела!..
И вся семья с ней вместе налегла
На цвет гречишный тучею веселой.
Три дня пчела носила мед тяжелый,
А на четвертый крылья порвала.

И горько ей:
— Ну, видно, отлеталась!..
И словно бы в долгу она осталась:
С таких цветов — и мед недобрала!
Такой отменный мед,
Такая жалость!
И чудилось —
Еще бы пожила,
До августа бы, верно, продержалась,
Да вот как раз гречиха расцвела!
И задремала старая пчела,
И вот сложила крылья
И уснула...

А летний день
Вибрировал от гула
Бессчетных крыл большой ее семьи.
Тащили кладь на взгорок муравьи,
И бабочка выплясывала лихо.
И, как всегда, желанна и сладка,

Зовя к себе из темного летка
Рабочих пчел,
В полях цвела гречиха...

В природе нашей грусть затаена,
Не знает полной радости она.
Казалось бы, блаженствует округа —
Теплей собольей шубы летний зной,
Щекочут листья ласково друг друга.
Пропахший разогретою сосной
Лес полон пчел и земляники сладкой..
А все живет опаска и оглядка.
Как память о зиме в тени лесной
Березы брезжат снежной белизной
И куколка огневки, для порядка,
Свой ватный кокон заплетает туго.
Заплатят стуже — и какой ценой! —
За цвет свой травы праздничного луга,
Ручей — за то, что поиграл волной,
И лес — за то, что жил, не зная скуки!
С морей студеных ветер ледяной
Придет, чтоб с веток сбросить лист
резной
И гнуть таежный кедр,
И куст степной,
И ветви им выкручивать, как руки...
И память о минувших холодах —
В кислинке, настоявшейся в плодах,
И в комарином заунывном звуке.
И потому в стремленьях и трудах
Торопится природа проявиться,
Спешит и зверь,
И дерево,
И птица...

СТЕПНАЯ СТРАДА

Европы с Азией граница.
А за такыром,
За арчой
Уже не рожь,
А сплошь пшеница
Золототканою парчой.

И в золотой жаровне тока
Грести пшеницу довелось
Под солнцем,
Звонким и жестоким,
И прожигающим насквозь.

И, как из хлебной печи,—
Вкусный,
Над ворохами воздух желт.
Летит зерно, как искры в кузне,
Клюется,
Жалится
И жжет!

От зерен лента транспортера
Вся в клочьях —
Точно от когтей.
Увозим хлеб, ревут моторы
В пылу предельных скоростей.

Не надо нам другой погоды,
Дуй, ветер, с юга!
Солнце, жги!
Но разорительным походом
К востоку двинулись дожди.

И мы спешим.
Далековато!

Под край небес.
Но вот и он —
За вечным полем элеватор
Шумит, как новый Вавилон.

Тут несусветное смешенье
Разнообразных языков,
И крик,
И ругань,
И смущенье.
А сдал зерно — и был таков!

Песчинкой — в степь.
Но озабочен
Шофер игрою облаков.
Успеть бы до ночи с обочин
Еще разок шугнуть сурков!

Успеть до тучи,
Ливнем полной.
Она все выше, все слышней.
По синеве
Сверканье молний
Переплетается на ней.

Летят курганы.
Тут побиты
Полков неведомых бойцы,
Прямоволосые джигиты
И русокудрые стрельцы.

И древних рас единоборство
Отозвалось, наверно, в нас
Кипучим пылом и упорством,
Лихим проворством
Здешних трасс.

Летим.
И нам летят навстречу

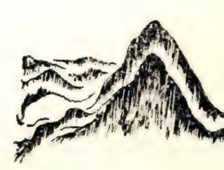
И в кузовах,
И на арбах —
И неразгаданные речи,
И отблеск молний
На зубах.

И над бортом
Лицо девчонки,
Что может стать твоей судьбой,
При вспышке,
Как на кинопленке
Запечатлеется тобой.

ОРЛЕНОК

Достать попробуй в небе журавля!
Не взять его из гордой вереницы.
Ведь не отпустит матушка-земля
Тебя в небесной сини порезвиться,
Когда природа крыльев не дала.
Так просто не изловишь и синицу —
Ловушку строй!
А как поймать орла?..

Зловещий свист летящего свинца —
И в небе нет орла и нет орлицы.
И, оплетясь веревкою, киргиз
Вскарабкался на каменный карниз
И беркутом над пропастью повис,
Над лаем псов
И ржаньем кобылицы...
И взял с утеса теплого птенца.
За старшим братом
Он не смог вспорхнуть,
Но клювом щелкал, выгибая грудь.

Почти бескрыл,
Беспомощен и мал,
Сердитый и смешной начаток птицы.
И что еще орленок понимал!
А все-таки с земли он в небо рвался,
Хрипел с досады,
Яростно клевался
И от джигита корм не принимал...
И, презирая ласку и еду,
Тянулся к опустевшему гнезду...

Хозяин спит
С женою на кошме.
Орленок дремлет,
Сгорбившись во тьме,
Как изваянье, на резном тычке,
Не думая о давнем далеке,
Причины не ища своей тоске.
Он сыт,
В перо атласное одет.
Но главного чего-то
В жизни нет.
Он что-то дорогое позабыл,
Лишь в полусне
Припомнится нет-нет
Шатер надежный чьих-то теплых крыл
Не помнит, с кем он жил,
И кем он был,
И для чего проклюнулся на свет.
Не знает, кем он стал бы в прежней
дали.
Ему цепочку дали,
Имя дали,
И колпачок на голову надет,
Прикрывший до поры
Глаза бойца...
Из круглой юрты,

Будто из яйца,
Его перемещение в рассвет.
Он слышит ветра свист
И стон травы.
Снят колпачок с клювастой головы.
И мир, что в темноте полузабыт,
Воскреснет вдруг
Под щелканье копыт!
На крупе конском провизжит камча,
Орел глядит
С хозяйского плеча,
Увидел небо —
Вздрогнул и вздохнул
И степь арканом взгляда
Захлестнул.
Утраченное — наново обрел.
И он опять боец,
Опять орел.

За волком,
Что уходит, топоча,
Взмывает он с хозяйского плеча
В распахнутую даль,
В степной простор.
Вот крылья беспощадные простер
Над тенью зверя,
Вот его настиг!
И когти сразу намертво вонзил,
И в два капкана
Зверя захватил:
Тот — у загривка,
Этот — у крестца.
И не найти искуснее ловца.
Ударит в уши страшный волчий крик.
Почуя, что ему спасенья нет,
Заплачет зверь —
И захрустит хребет...

Нет у киргиза лучшего слуги!..
У самых туч — орлиные круги,
В упругом ветре,
В солнечных лучах.
И небо — словно бочка в обручах.
Что ни захочешь — все отдаст оно!
Орел достанет в небе журавля.
Внизу плывет далекая земля —
Зеленое у синей бочки дно.
Его хозяин — не крупней шмеля,
В мохнатой шапке, зорко смотрит ввысь.
Смотри, смотри, хозяин, подивись,
Каков полет мой
И каков удар,
Какую птицу ты получишь в дар!
Сейчас добычу ловко подхвачу.
По кругу я к тебе снижаюсь — глянь,
Какую с неба дорогую дань
Я добыл для тебя,
Сейчас вручу!..

Орел домашний
В плотном колпачке
Сутуло дремлет в юрте
На тычке.
Он ждет, когда раздастся конский храп.
Полета ждет
И мертвой хватки лап,
В которой зверь со стоном упадет,
А кровь тугая, продолжая ход,
В железный клюв ударит горячо...
А после беркут сядет на плечо
К хозяину, что зыблется в седле,—
И нету лучше места на земле!
Сидеть бы так до смертного конца...

Орла не взять.
Берут его птенца.

Тишина хрустально-драгоценная.
Лес недвижен. Воды — как литье.
Помолчать бы,
Вникнуть в сокровенное,
Изначально древнее житье.

Не напрасно ль словом тишь
встревожили.
Стоит ли оно такой цены!
Правда ли то слово?
И дороже ли
Первозданно чистой тишины?

Не обделить теплом участья,
Не огорчить души родной.
И рядом быть
В беде и в счастье,
Чтоб люди знали:
Ты им — свой.

Порой невесть каким громадам,
Не знавшим отдыха и сна,
Душевным словом или взглядом
Их жизнь бывала спасена.

Предотвращаются утраты
Такою малою ценой...
И хорошо быть старшим братом
Чудесной живности земной.

И, значит, чья-то кровь не брызнет,
Не сгинут птицы и цветы.
И обернутся чьей-то жизнью
Мгновенья нашей доброты.

ВОРОБЕЙ

Снова до весеннего тепла
Дожил воробьишка.
Вот живучесть!
Зачирикал:
— Солнышку хвала!..
Заплясал, на холоде намучась.
Что это за птичка, черт возьми!
В стужу рядом прыгает.
И участь
Делит испокон веков
С людьми.

С нами голодал,
Горел в пожаре,
Разживался осенью зерном.
Ждал тепла, нахохлясь над окном.
Щели знал в купеческом амбаре,
Промышлял искусно на базаре,
Прыгал на просторе площадей.
Чаще — жил среди простых людей,
Среди серых,— как их звали баре.
Не чурался он избы простой,
Под застреху лазал —
На постой.

Может быть, и нрав его — от них.
Навострился, стал удал и лих.
Не разжился пестрою одежкой,

Да зато кругом глядит сторожко,
Добывая крошку
На обед.

Все смекнет,
Разведает,
Приметит.
И ему на всем просторном свете
Ничего дороже воли
Нет.

Чью-то хитрость
Понимает тонко,
Не идет в силок,
Ни в западенку.
А когда перехитрят — изловят,
Бьется до беспамятства,
До крови.
— Шут с тобой! —
Отпустят из садка,
Раз ему свобода
Так сладка!

ДОЧКА

Ну что ж, погуляла — и точка.
Гудел перепляс в каблуках...
Взошла, словно солнышко, дочка —
Сиять у тебя на руках.

Ничьей разудалой подружкой
Не быть, не тужить ни о ком.
Не чокаться кружкой о кружку
И в пол не долбить каблуком.

А числиться дочкиной мамой —
Судьба в этот ранг возвела,
Чтоб дочка красивою самой
И самой счастливой была.

Цвела бы — и больше не надо
Отрады тебе никакой.
Не ищешь гитарного лада
Привычной и ловкой рукой.

Струны говорливой не тронешь,
Где отзвуки встреч и разлук.
И больше себя не уронишь,
Как доченьку с ласковых рук.

Вошел усталым шагом в электричку,
Привычно сел,
Привычно чиркнул спичку.

За окнами — тайга,
В снегах,
Былинная.
А в сердце, как студеная игла,
Вошла печаль, как будто беспричинная,
И вдруг подумал:
— Молодость ушла!..

В вагонное окно
Глядишь растерянно.
А за окном, взъерошенно бела,
Ползет тайга — медведица косматая.
И прожит день как день,
И что потеряно?

Не кошелек, деньгой набитый натуго,
Не ключ квартирный...
Молодость ушла!..

Ушла — и только,
Ну, прощай, прости,
Не выть же псом, в холодном поле
брошенным!
А грусть, что так нежданна и
непрошена,
С пути, как паутину,
Отвести!

Окончен выходной.
А утром снова
Склониться для труда на край стола.
А дело интересное какое!
Забудешь все! И снова нет покоя.
Не верится, что молодость ушла!
И словно по какой-то ворожбе
В такие дни
Она верна тебе.

✦✦✦

Вздрагивают клены — ждут бурана,
Жутко перед зимней маетой.
Огненною птицей лист багряный
Кружится, прощаясь с высотой.

На верхушке, где никто не тронет,
Живший высоко над головой,
Он сейчас слетел к тебе в ладони
И шепнул доверчиво:
— Я твой!..

ВСТРЕЧА

Казалось, столько в сердце слез,
Что брызнут, как из лейки.
Но прихромал голодный пес
К обшарпанной скамейке.

Такая острая тоска
Из глаз его торчала —
Своя беда, как ни горька,
Смутившись, замолчала.

Так безнадежно хвост поджат,
Взгляд боязливо-злобный.
И чуть — мол, нас не трогай, брат! —
Грозился рык утробный.

Где дом его? И где свои?
А снег. А ветер резкий.
Есть только я. И у скамьи
Колбасные обрезки.

Он к ним ползет, кося глаза,
Еще боясь подвоха.
Видать, хозяин предал пса —
Какой-нибудь пройдоха.

Пес, перебарывая страх,
Дрожал — а вдруг обманет?
И был руки дарящей взмах
Сродни небесной манне.

Знать, повезло!
Не все пинки,
Пустых надежд ошибки.
И наконец его клыки
Оскалились в улыбке.

ВОЛКИ

Чуть лес озяб — еще не снег, не лед,
Но чутко замерли проселки.
И вздрогнешь ты, и мигом жуть
проймет —
В ночной глуши завыли волки.

Зачем бы им себя нам выдавать,
Тенями проскользнули б мимо.
Тайком бы им добычу свежевать.
Но вновь поют непримиримо.

Не могут укротить характер свой
И норов мстительный и гордый.
Как дым в мороз, всплывает к небу вой,
Дрожит и мечется над мордой.

Нет, не утерпят, сроду не смолчат,
Все принесут на волчье вече:
Слезу людьми похищенных волчат,
Овечий всхлип и свист картечи.

И страсть ночных погонь. И лязг клыков.
Облавы страх. И блеск булата.
И голосам матерых вожаков
Подвыть стараются волчата.

То жалобой звучит стенящий вой,
То с клятвой, то с угрозой схоже...
А ты с ружьем. И смел. И не впервой.
А все равно — мороз по коже.

ПРОЩАНЬЕ

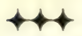
Вся в гроздьях тугих,
Раскалилась калина.
Но северный ветер колюч.
И горестный плач журавлиного клина,
Как ливень, срывается с туч.

Кто искренне так и душевно простится,
Кивая лесам и полям.
Печали не пряча, прощаются птицы,
И вторит душа журавлям.

И что бы, казалось, им, сильным и
ловким!
Лети себе в солнечный край.
Казалось бы, что им! Любой, без
путевки,
Курорт по душе выбирай.

Но, видимо, им улетать неохота
От этих озябших берез,
От клюквы, упавшей зарей на болота,
От озими в россыпях рос.

Вернуться мечта,
И тоска, и тревога
В их крике прощальном слышны.
Ведь так далека,
Так трудна их дорога
До новой российской весны!

Тонкие березовые прутики
Чисто исхлестались на ветру.
Каково сейчас в дороге путнику!
Зайцу в поле,
Поползню в бору.

Притомились конные и пешие
Путь искать между коряг и пней
В чаще, где аукаются лешие,
Будто соревнуясь — кто страшней.

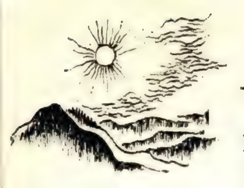
Хоть бы кто-то,
До ночи, до ужина,
Постучал в замерзшее стекло!
Чтобы хоть одной душе застуженной
Сделалось приютно и тепло.

КУКУШКА

В листве весенней светлая опушка.
И, продолжая свой извечный гимн,
Опять передоверила кукушка
Заботу о птенцах своих другим.

И осуждаю я ее не очень.
Ну как ей с ними нянчиться? Когда?!
Кукушка россиянам напророчить
Должна неисчислимые года.

И как бы жизнь недугом ни стращала,
Ни подступал к больничной койке рок,
Припомнится: «Кукушка обещала!..» —
И, значит, уходить еще не срок.

✦✦✦

Какой этот край колдовской!
Какие леса по угорам...
С обидой придешь и с тоской —
Уйдешь, окрыленный задором.

В душе запалишь огонек
От этих мартенов и домен —
И пасмурный зимний денек
Не будет морозен и темен.
На кручи, неведомо как,
Взбежит по скалистым отрогам
И в небо вонзится сосняк —
И сердцу напомнит о многом!..

Вагонных колес стукоток.
И спросит попутчик, бывало:
— А сам ты откуда, браток?
И ты отвечаешь:
— С Урала.

И в сердце почувствовать рад
Биенье взволнованной крови.
И жить бы все годы подряд
С уральскою славою вровень.
С людьми, что в труде — заодно
И в битве не шли на попятный.
Значеньем награде равно
Ответное слово:
— Понятно.

ПОДРОСТКИ

В трудный час, какие-никакие —
Все-таки замена мужикам,
Поступали в цехи заводские,
Хмурясь, шли к норовистым станкам.

Мол, уральской славы не уроним,
Выстоим отцам своим под стать.
Да не закрепить деталь в патроне,
Роста не хватает — не достать!

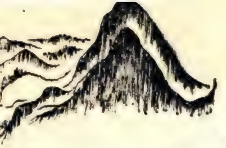
Мастер подойдет, поможет. Только
Дожидаться им невмоготу.
Не терять бы времени нисколько!
И они тянулись в высоту.

А деталь обтачивали чисто,
Совесть начеку была, строга —
Чтобы жизни не было фашистам,
Чтобы днем и ночью на врага

Бомбами обрушивалось небо,
Минами взрывалась глубь земли...
Слишком мало было сна и хлеба,
А ребята все-таки росли.

ПРИВЕТ С УРАЛА

Бывало, в пасмурной землянке,
Чуть отгремит обстрела шквал,
Солдат рассматривает танки,
Что сын его нарисовал.

Еще ушам от грома больно,
Течет земля, гудит накат.
В руке — листок тетрадки школьной,
Поинтересней, чем плакат.
Глядит боец,
Друзья глядят:

Снаряды бьют — и ворог лютый
Башкой в сугроб нырнуть готов.
Сродни победному салюту —
Огонь из танковых стволов!
На башнях танков звезды алы,
А возле звезд — «Привет с Урала!».
Чужую пушку давит трак...

Все разглядев, сержант бывалый
Одобрит весело:
— Мастак!..
И утвердит:
— Да будет так!..

Не знаешь, что тебе поможет,
А новый бой недолго ждать...
Наверно, эти танки тоже
Нам помогали побеждать!

ГОРА ВЫСОКАЯ

Прошла пора,
Когда гора
И впрямь была высокою.
О ней судили мастера,
По-северному окая.
Мол, вот хорошая руда,
Отменней не припомнится!

И принимались у пруда
Варить железо
В домницах...
И мы пришли с трудом своим,
С теперешними домнами.
И над районом заводским
Светло ночами темными.
Буры гудели, как ветра,
Шли вагонетки стаями,
Как будто снежная — гора
Для всех приметно таяла.
Сверкая пламенем, лилась
Ручьями многотонными.
Она по свету разошлась
Тагильскими вагонами.
Броней, которой крепче нет,
Прошла войну жестокую.
И от горы остался след,
А все зовут Высокою!

СОЛДАТСКАЯ КАСКА

А это — как сказка,
Как чудо,
Но к нам прибыла на завод
Солдатская каска оттуда,
Откуда солдат
Не придет.

Из груды гремящего лома
В глаза нам сверкнула знакомо.
Таких повидали мы сколько!
Защитницы наших солдат!
Щербины от пуль и осколков,
А край, может, танком помят.

— Здорово, подруга стальная!..—
Взял каску седой фронтовик,
Походные дни вспоминая.
Вгляделся — и замер на миг.

Товарищам крикнул:
— Ребята! —
А голос волненьем тесним.—
Написано в каске: «Долматов»!
Когда-то дружили мы с ним...

Но кто-то
Сквозь грохот металла
Ответил резонно вполне:
— Да разве Долматовых мало,
Пойди посчитай по стране!..

— Нет, случай хоть некуда реже,
Но я ошибиться не мог:
Ведь имя и отчество те же,
И назван родной городок!..

Тут многие были знакомы
С Долматовым.
Будто вчера
Он щедрою мерой для домен
Руду выдавал на-гора́.

— Какой был парень огневой!
Какие песни пел!
И руднику, и домнам — свой,
Душой к ним прикипел.

А той военною порой,
Я слышал — он с семью
Врагами бился, как герой,
И встретил смерть в бою.

Он знал: уральская броня
Пройдет сквозь вражьи рвы!..
Но каска верная, звеня,
Скатилась с головы...

За горы под сизою дымкой,
За тысячи рек и полей
Как будто он сам
Невидимкой
Дорогу указывал ей.

Чтоб ржавчина каску не съела,
Чтоб шел в переплавку
И стал
Пригодным для нового дела
Давно отслуживший металл.

Замена несбывшейся встречи!
Блеснули глаза у друзей.
Нет, этот металл — не для печи,
Такому — дорога в музей.

Найдется чего переплавить!
А каска, нашедшая нас,
О дружбе и воинской славе
Веди вдохновляющий
Сказ!

ГЛАЗА

Горщики отыщут изумруд,
От земли очистят — и замрут.
Будто вся окрестная тайга,
Будто все зеленые луга
Собрались в тот камешек — и разом

На людей глядят
Зеленым глазом.

Черный шерл
И солнечный топаз,
Всякий драгоценный камень —
Глаз.

Горщики глядят, идя тайгой,
Не блеснет ли камень
Под ногой.
И глядит земная глубина:
Что за люди?
Что им за цена?

И чем камень
Краше и дороже,
Тем он смотрит
Пристальней и строже...

ОЛЕНЬ — ЗОЛОТЫЕ РОГА

На кручах уральских впечатал копыта
В сыпучий песок и в снега,
И в думы, и в песни вошел знаменитый
Олень — золотые рога.

И как по чащобам умел хорониться!
Поблазнит кому-то — а там
Совсем не олень, а сверкнула зарница,
Рассыпав огонь по кустам.

Кому-нибудь лишь поглядеть бы:
«Не трону!»,
Проверить правдивость молвы.

Другому — скорей золотую корону
Сорвать бы с литой головы.

По жилам варнацкая жадность гудела,
Хрипела: «Постой, не беги!..»
А он убегал, раздвигая пределы
Богатой и щедрой тайги.

Как будто олень от людей откупался
То в пади гремучим ключом,
То речкой, где бобр у плотинки купался,
То в шишках тугих кедрачом.

А может, и не был напуган пальбою,
От пуль заколдован, а так,
Добра им хотел он — и вел за собою,
Как старый и мудрый вожак.

И солнечный луг отличился копною,
А бор — строевою сосной.
И золото звякало в ковш рассыпное —
И кровь колотилась волной!

И только на зорях, рассветных,
закатных,
Чья всем красота дорога,
Порою во весь горизонт необъятный
Сверкнут золотые рога.

С годами сказанья о нем забывали,
Считали то сказкой, то сном...
Но предки, сойдясь на сосновом увале,
Склонялись в поклоне земном:

— За реки, где тесно сверкающим
рыбам,
За пашни, в борах, за стога,

За белку, за камни цветные — спасибо,
Олень — золотые рога!

НЕВЬЯНСКАЯ БАШНЯ

Стоит лихим ветрам преградою,
И не страшится бурь она.
Который век, а все не падает,
Хоть с первых дней наклонена.

Другой такой в краю не видано,
Всяк заглядится, удивлен.
Приказ заводчика Демидова —
И башню вывели в наклон.

Тщеславен барин был — заранее
Готовил памятник себе.
Но башня — нам напоминание
И о совсем другой судьбе.

И над веселой, обновленною,
Над работящей стороной
Та башня древняя, наклонная —
Как старый мастер крепостной.

Жил — будто ночью беспросветною,
Ему — ни ордена, ни од,
Хоть на горбу труды несметные
И поднимал он для господ.

И, как под каменной громадою,
Он распрямить спины не мог.
Но был силен — и жил, не падая,
Стоял, никем не сбитый с ног.

КАНАВА

Всякие на свете есть канавы,
Если говорить начистоту.
Ну а тут пылающею лавой
Выжгло бы дотла нечистоту.

Где-нибудь, припавши к глине ржавой,
Спит пропойца, жизнь пройдя до дна.
Ну а здесь канава — это слава,
Премии она и ордена.

В цехе есть,
Пускай не самый главный,
Но и человек не рядовой,
На хорошей должности — канавный,
Повелитель лавы огневой.

Коренастый,
Властный,
Пропеченный,
Бьющий крепкой шуткою под дых,
Мастерами старыми ученый,
Обучивший многих молодых.

Сильный,
С зорким глазом,
С прочным нервом,
До поры до времени в тени,
А момент придет — он будет первым,
Вот тогда взгляни — и оцени!

Сталь из летки глянет острым глазом,
Но канавный к сроку занял пост.
Сталь рванет к изложницам — и разом
Свет — как при самом рожденьи звезд!

В звездный час,
В неистовстве разлива
Он кивнет ребятам — не зевай!
Усмиряй, мол, но рукой за гривы
Огненных коней не задевай!

Ну, да все по-своему умелы,
Лишь слеза глазницы обожгла...
Огляделись — руки, ноги целы,
Сталь не задурила,
Не ушла!

Искони работой знамениты,
А на этот раз такая сталь,
Что дорога, может, ей открыта
Даже и в космическую даль...

Нес домой
Сквозь сон ночного ВИЗа
Радость вдохновляющего дня,
Будто небо звездами,
Пронизан
Искрами летучего огня.

И тогда,
Разя глухой отравой
Все, чем одарил счастливый день,
Впереди, над уличной канавой,
Пьяно замоталась
Чья-то тень.

Неизвестно кто, в грязи — как в гриме,
Преградив дорогу, крикнул:
— Стой!..
Высветило вдруг лицо и имя.
Будто вспышкой магниевой:
Свой!

Пил сперва с получки,
Пил с устатку,
После стал прогуливать — запой.
Ослабел душой, утратил хватку —
Руки задрожали,
Взгляд — тупой.

— Вкалывал и я когда-то с вами,
Над канавой стукаетесь лбами,
Некогда дыханье перевесть...
Пробку со стекла сорвал зубами,
Сплюнул искореженную жесть.

— Вот мой дом, и вот мое застолье!
Жаль, с собою нету хлеба с солью.
Будет все — халтуру получу.
Ну, давай за встречу выпьем, что ли!
Нос воротишь? Я ж добра хочу...

Вновь читать внушенье вроде поздно,
Повернет ли он свою судьбу.
Сквозь бутылку смотрит в Космос
звездный,
Будто сквозь подзорную трубу.

И куда плывет?
Куда он правит?
Хмель свой оплатил какой ценой!
Будто в человеке перержавел
Стержень несгибаемо стальной.

И печей
Бессонное гуденье
Ни к чему забывшему про стыд...
Можно и споткнуться,
Но паденья
Человеку время не простит!

УРАЛЬСКАЯ СОСНА

Колючая да гордая.
Певучая.
Корявая порой,
Зато живучая.
Могучая, вся в солнечной смоле,
О чем-то разговаривает с тучею,
И в небе просто ей — как на земле.

Стоит она над прочими деревьями,
Не убоявшись выступов крутых,
Хвоинками касаясь звезд серебряных,
Корнями — самородков золотых.

ВЕСЕННИЙ ПАРОХОД

Сойдут снега,
Оттает док,
Минует ледоход —
И загудит во весь гудок
Весенний пароход.

Как половодье,
Плыл с Туры
Тот голос громовой
И все окрестные дворы
Переполнял собой.

И над обыденностью взмыв,
Железом крыш звеня,
Он звал —
И вихрем на обрыв
Бежала ребятня.

Вся непоседливость и прыть
Волной вскипала в нас —
Звал прямо к синю морю плыть
Его матросский бас.

А мы шептали:
— Погоди,
Ты дай нам только срок,
Тогда, бродяга, приходи,
Гуди во весь гудок!

А что гудеть,
Покуда нет
Ни настоящих сил и лет,
Ни денег на билет...

ТАЕЖНАЯ ХВАТКА

Где-то сбоку от колонны
День блеснул — и был таков.
И считался он холодным
У самих сибиряков.

Под ушанки и под шубы
Продирался тот мороз.
Трактор шел — стальные трубы,
Переваливаясь, вез.

Не дождется буровая!
Трос метнулся, как змея,
Будто в бане паровая,
Задышала полынья.

Тракторист — заплакать в пору,
Весь трясется — льдом оброс:

— Трактор был — своротишь гору!
Черт ли тут меня понес!..

И буравит воду взглядом,
Непроглядную, как ночь.
А какой-то парень рядом
Ватник сбрасывает прочь.

— Не расстраивайся, дядя,
Сбегай лишь за тягачом —
Мы пропасть твоей громаде
Не позволим нипочем!..

Раздевался без стесненья,
Скоро будет гол и бос.
И отделывал тисненьем
Кожу белую мороз.

Местность высветили фары.
Всю одежу покидал.
— Чтобы пар хороший даром,—
Говорит,— не пропадал!..

Трос крутящеюся жилой
Ходит-шарит под водой.
Новички и старожилы
Разом выдохнули:
— Стой!..

Тело мощное упрямо
Вглубь метнул, как острогу.
— Ты прости, родная мама,
Что себя не берегу!..

Не надеясь, люди ждали,
Дрожью бил, корежил страх.
Нынче грелись на привале,
Чуть не лежа на кострах.

Пасть ледового провала,
Жуть, где сгинул человек.
И дыханье застывало,
И шуршало, точно снег.

— Загубить живую душу
Ради техники стальной!..
Задыхаясь, лез на сушу
Посинелый водяной.

— Что ты с нами сделал, дьявол!
Что ты вытворил с собой!..—
Закатали в одеяла,
Навалившись всей гурьбой.

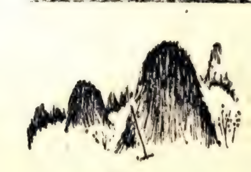
Из бутылки с тем экстрактом
Торопливые глотки.
И зубами лязгнул:
— Трактор
Заарканил.
Волоки!

СТАРИКИ

Есть старые люди — как старые горы,
Спокойным увалам сродни.
Всего повидали, и нюхали порох,
И кровь проливали они.

И многое накрепко врезалось в
память —
И ранние годы страны,
И хлебное поле с тугими снопами,
И горькое поле войны.

Солдатский, планету качающий топот
И домны в разливах зари...

И если кому-нибудь нужен их опыт,
Они не замкнутся — бери!

Пускай он послужит надежной опорой
Строителям новой поры.
Есть старые люди — как старые горы.
А старые горы — щедры!

Казалось, что ж еще?
Смириться надо.
А все-таки жила в душе мечта
Опять познать дороженьку —
И взглядом,
Дивясь, окинуть новые места.

Старалась душу оторвать от тела,
А после, опадая тяжело,
Ее не окрыляла,
А висела
На ней, как перебитое крыло.

Но душа была неукротима,
Как река на горной крутизне,
Что не знает сна в любые зимы,
Искрами взрываясь на кремне.

Бьется в берег,
Дышит белым паром
В ледяные трещины камней.

И мороз, дивясь, хлопочет даром —
Все равно никак не сладит с ней.

Словно в глубине она палима
Вечным жаром тайного огня.
Потому вовек неотделима
Коркой ледяной
От света дня.

Грустишь обо мне хоть немножко?
Пускай не любила, а все ж!
Бывало, посмотришь в окошко —
И гордо глаза отведешь.

А все-таки думала что-то.
И мне не припомнится дня,
Чтоб ты, возвращаясь с работы,
Забыла взглянуть на меня.

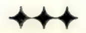
Уехал я вечером стылым
В соседний район городской,
И словно бы нас разделило
Безмерною далью морской.

И я оправдаться не в силе,
И что в оправданье скажу?
Что там, где меня положили,
Годами я так и лежу...

Я даже не ведаю, кто ты,
Но думаю снова о том,
Что ты, возвращаясь с работы,
Проходишь привычным путем.

И те же дома. И дорожка.
И гомон у входа в кино.
И только в знакомом окошке
Меня не увидеть давно.

Ну что ж, не видать — и не надо!
Но вдруг опечалится взгляд,
И стекла от этого взгляда
Чуть слышно и грустно
Звенят...

Я целый день долблю дуплянку,
А древесина так плотна,
Что под березовой киянкой
Стамеска стонет, как струна.

Но пролетают птицы к югу,
И я уеду в свой черед.
И лишь дуплянка
Глазом круглым
Посмотрит вслед
Поверх ворот.

И на шесте своем качнется,
В поклоне голову клоня.
Она, наверно, птиц дождется,
А ты дождешься ли меня?

Все могут выстудить метели,
Все заровнять в конце концов...
Но хоть бы птицы прилетели
В дуплянке вывести птенцов!

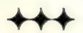
НЕЗАПАМЯТНЫЙ ДЕНЕК

Прошла гроза с дождем и градом —
И снова солнцем жизнь полна.
Со мною папа, мама рядом.
И далека еще война.

Живу, хранимый их любовью.
Еще со мной мое здоровье.
Еще того, чем жизнь мила,
Судьба моя от сердца,
С кровью,
Лихой волчицей не рвала.

А время шло к жестоким датам.
И пуля втиснута в патрон.
А там — фашизм.
А дальше — атом.
А дальше — щерится нейтрон.

И почему-то, не старея,
Тот незапамятный денек
Живет со мной
И душу греет,
Как негасимый огонек.

Бывает, что в конце земной дороги
Подводишь невеселые итоги —
Один в толпе несбывшихся надежд.
Кого винить?
Себя?
Врагов?

Невежд,
Тебе камнями перебивших ноги?
Но там, где ты сутулишься устало,
Дороги чьей-то звонкое начало.
Все в жизни для кого-то чудеса.
И вот, покуда мы, ворча, стареем,
По новым мачтам,
По точеным реям
Взвиваются иные паруса.
Не будь жесток к ним сердцем
огрубелым!
Не говори:
Мол, что ты там ни делай,
А угодишь на мель всего скорей.
Смолчи,
Не бей по этим крыльям белым,
Не обломай таких певучих рей.
Кем был ты —
Капитаном,
Магом,
Мэтром
Или себе казался таковым?
В надежде — счастье.
Будь попутным ветром,
Попутным словом
Вместе с молодым!

НАСТАВЛЕНЬЕ

Покуда ты не старый,
Ушибся — не тужи.
С девчонкой и с гитарой,
И с песнею дружи.

Живи, в беде не ноя,
Расти, не помня зла,
Известно, что весною
И ночь белым-бела.

Подружки ясноглазой
Достоин будь,— а лжи
Чурайся, как проказы,
И честью дорожи.

Дерзай, покуда молод,
И крыльев не сложи.
Гербу, где серп и молот,
С готовностью служи.

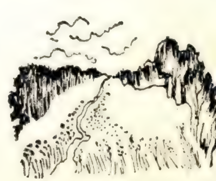
Во все вникай и пробуй.
И друга поддержи,
И только душу злобой,
Как бурей, не кружи!

Смиряй слепую ярость.
Того не делай лишь,
Чего себе под старость
И сам ты не простишь.

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

А мне на пиршество земное,
Для всех доступное,— запрет.
Но не закрыто основное,
Как жизнь и смерть,
Как тьма и свет.

Пускай простора меньше думам,
И стих тусклей иного. Что ж!

Но и на Севере угрюмом
На скудной почве зреет рожь.

Упиться светом не пришлось ей —
Затмили солнце облака.
Но рожь нальет свои колосья,
И будет добрая мука.

Не для изысканных пирожных,
Воздушно тающих во рту,
А для ковриг. Поел — и можно
Работать в кузне и в порту.

Не замерзать в любые зимы,
Рубить дрова, искать слова
И предъявлять своей любимой
На счастье полные права.

И, невезучий, но упрямый,
В презренье чьем-нибудь — нелеп,
Доволен я: ведь это — самый
Насущный в мире
Черный хлеб.

МИРАЖ

Все та же участь.
И в душе все та же
По впечатленьям жизненным тоска.
Но и в пустыне огненной миражи
Рисуют сад над гребнями песка.

И этот сад — не сказка. Настоящий!
Сочны плоды, жива деревьев стать.
А просто от бархана отстоящий
Так далеко, что целый год шагать.

И я порой стихи пишу с миража,
Где сад живет над свежей синью вод.
И кто-нибудь прочтет о нем — и даже
Отправится на поиск.
И найдет!

СВЕРХЗВУКОВАЯ СКОРОСТЬ ДНЯ

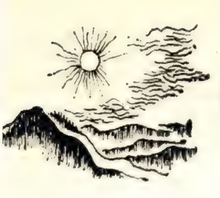
Друзья щадят мои седины,
И невеликий спрос с меня.
Но все равно влечет в стремнину
Сверхзвуковая скорость дня.

И день с космическою страстью
Летит на всех своих крылах
И призывает к соучастью
В его заботах и делах.

Но то, что рядом промелькнуло,
Порой не сразу в толк берем.
А после сердце вспыхнет гулом
И по душе ударит гром.

Пора грядущего рожденье
Заблаговременно встречать,
Пора учиться упрежденью,
Предвосхищать и прорицать.

Готовить к скорости фотонной
Свое земное естество.
Ведь надо жить и петь синхронно
Движенью века своего.

МУДРОСТЬ

И научила жизнь,
Как учит мать,
Когда за счастье сына ей тревожно,
Что в одиночку можно воевать,
А вот добыть победу
Невозможно.

А если и добыть,
То как с ней быть?
Как в одиночку петь и веселиться?
Кого-то надо
Помнить и любить,
Чтоб радостью победы
Поделиться.

ПРИРОДА

Таких нагородили городов
И так отгородились от природы,
Что мир окружный сузиться готов
До голубой заплатки небосвода.

И зов ее до нас с окрестных пашен,
С лесных полян, где вспыхнул иван-чай,
Через такую уйму стен и башен
Домчится с ветром разве невзначай.

Она, мол, и одета не по моде:
В траву, в листву — не в пластик и бетон.
Она и песни старые заводит,
С модерными пластинками не в тон.

То соловьем, лишь ночью голосистым,
То жаворонком, взмывшим в высоту...
С магнитофоном двинутся туристы —
Вмиг распугают птичью мелкоту!..

Так век в деревне доживает мать.
И наезжают к ней летами детки
Цветов нарвать, укропа наломать
И яблоком похрумкать прямо с ветки

Порадовать своим солидным видом
И перечнем высоких должностей.
А вот ее заботы и обиды
Не шибко интересны для детей.

Мол, что тут! Мол, деревня отмирает!
И невдомек им то, что разговор
Их отвлеченный мать воспринимает
Самой себе почти как приговор.

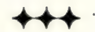
Бабочка сегодня промелькнула,
Упорхнула,
Вспыхнула опять.
И как будто время повернула,
И часы заторопились вспять.

Бабочек такими вот деньками
И кружил, и нес веселый шквал,
И ронял. Их точно кто шелками
На ветрах и травах
Вышивал.

Где они?
И вот счастливый случай:

В нашей продымленной стороне
Летним днем один цветок летучий
Чудом залетел во двор ко мне.

Заплясал,
Игрой своей тревожа.
И не только сам я стал моложе —
Будто вдруг земля помолодела,
Будто платье девичье надела,
Что лежало в тайном сундуке.
Подняла под солнце
И встряхнула,
А из складки бабочка вспорхнула —
И летит,
Сверкает
Вдалеке...

Кому береза наша помешала?
Кто это смерть ее поторопил?
Мотался дым, бензопила визжала,
И сыпался поземкою опил...

А мы дружили шибко с ней когда-то,
Ее в поселке знали все ребята —
Березу ого-го какого роста!
Во всей округе не было такой.
Полезешь вверх — скрипела под рукой
Упругая, атласная береста,
И листьев ласку чувствовал щекой.

Приехал — нет березы никакой!
Когда-то недоступная, макушка
Уткнулась с хрустом в пыльную траву...

А мы к ней забирались друг за дружкой
И вглядывались сверху в синеву.
Молчали мы — березонька шумела,
Я слышу шум ее как наяву.
И кто-то самый зоркий,
Самый смелый,
Провозглашал,
Что видит, мол, Москву!..

И сказочное дерево свалили,
Сидели на поверженном стволе.
И на дрова березу распилили,
А без нее — скучнее на земле.
Нет, кто-нибудь нездешний, прибылой,
К ней подступил и стал терзать пилой.
Мотался дым, пила блестела сталью,
Врезалась в толщу гулкого ствола...

Мальчишек новых
Обделили далью.
А надо, чтоб мальчишек
Даль звала!

ЛЕБЕДИ

Неудержимой стаи клик —
Душе в груди теснее!
И как простор земной велик,
Яснее с нею.

Но где скитались столько лет?
В каких краях? А если
Сходили чуть ли не на нет?
И вот воскресли.

И прозу дня на высший лад,
Звуча, переиначат.
Куда зовут? Чего хотят?
А может, плачут?

Той птичьей вольницы былой
Как будто не бывало:
— Так много неба над землей,
А нас так мало!..

Живет обида. Зорок взор,
И птицам сверху зрима
Голубизна лесных озер...
Проходят мимо!

До самой тундры моховой,
До моря в талых льдинах.
И зарастает синевой
Путь лебединый...

ИВОЛГА

Густа лесная чаща —
Там иволга живет.
И все слышней,
Все слаще,
Все праздничней
Поет.

И на душе тревожно,
Глядишь туда-сюда —
Увидеть невозможно
Ни птицы,
Ни гнезда.

И где она таится?
Ведь словно рядом, тут!
А может быть, как птицы,
Деревья здесь
Поют?

То явственнее ива,
А то слышнее вяз...
Мне эту птицу-диво
Увидеть бы хоть раз.

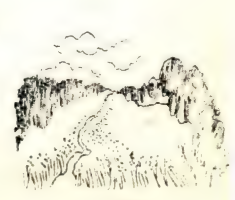
Ведь так минует лето,
А там пройдет и жизнь,
Высматриваю — где ты?
Хоть нынче
Покажись!

Не отними у птицы тайну птичью!
Не отыщи укромного гнезда.
Доныне лес велик. Но и величье
Теряют по крупинке иногда.

Не отними у птицы птичью тайну!
Не трогай в теплом гнездышке яиц.
Пусть будет все в лесу необычайно.
А что необычайней певчих птиц!

И не считай их. Пусть поют без счета!
И будем ныне слушать их и впредь.
А сосчитать — уже лишить чего-то
И словно в клетку стаю запереть.

УДОД

А удод из-за моря
Сквозь шторм и полночную мглу
К бело-пестрой березе летел,
К дорогому дуплу.
И с разгона в леток
Угодил между веток
С расстояния в тысячи верст.
Вот кто меток!

АВТОГРАФ

Милое, зеленое, живое!
Жаль, что соком плачут дерева.
На коре их сталью ножевою
Вырезаны разные слова.

Кажется, давно уже не детство,
Дюжий парень — не сшибешь конем.
Видно, не нашел другого средства
Для того, чтоб мир узнал о нем.

Раньше люд таежный, тих и темен,
Почитал своим кормильцем лес,
Груздяным и ягодным.
И, скромен,
К деревам за славою не лез.

Для потехи им не резал жилы,
Только по потребности рубил,
Брал затем, чтоб дерево служило,
И за службу благодарен был.

Сроду не хотел, чтоб горевало,
Чтобы безответная кора
Медленно и страшно загнивала
От неизгладимого тавра.

Чтоб иссохший ствол стонал, измучен...
А какой-то тип не то что встарь —
С малолетства грамоте обучен,
Расписался в том, что он —
Дикарь.

ЧЕРНЫЙ СЛЕД

Ногу человек в тайге сломал.
До селений ближних путь не мал.
Знал, что есть избушка у ручья,
Древняя, согбенная.
Ничья —
Потому что место нелюдимо.
В окнах света нет,
Над крышей — дыма.
Но в избе, что вроде бы пуста,
Вечною хозяйкой —
Доброта!
Лишь бы до избушки доползти,
Разгребал сугроб —
Вперед пусти!
Об избушке знает вся тайга:
Там дрова лежат у очага,
Котелок найдется,
Соль и чай.
Прогревайся, друже,
И крепчай!

А с пути не сбился?
Вроде нет!
На поляне белой — черный след.
Кукишем — холодная труба.
Думал отогреться — не судьба!
Студена зима, бела-белым...

Шли туристы летом на Пелым.
Что им в той охотничьей избе!
Не дворец, строенье так себе.
Греться ль на печи — стоит жара,
То ли дело ночью у костра!
Дедовский лесной обычай стар!
Комариным зудом — звон гитар.
Били в землю ловкою ногой,
Танцевало пламя над тайгой,
К тучам вознося тревожный свет...

На поляне белой — черный след...
Жаль себя и хатку у ручья,
Жалко погибать от дурачья,
Что в родной тайге у доброты
Отнимает древние посты...

ОПАСКА

Лес могучий хмурится в тревоге,
Стонет и дрожит земная грудь...
Говорят, что спит медведь в берлоге.
Как он умудряется уснуть?

Да не спит! Рассказывают сказки.
Лапу не сует, как соску, в пасть.
Нет ему покоя от опаски,
Как бы тут досрочно не пропасть.

Жуть берет от техники рычащей.
Слышит, как совсем невдалеке
Пилами в сугробы валят чащу,
Чтоб весною сплавить по реке.

Думалось, что сосны-исполины,
Липы, источающие мед,
Сладкую черемуху, малину
Никакая сила не возьмет.

Мнилось: лес не сгинет, не зачахнет.
С думкою такой в берлогу лез.
А, наверно, вылезет — и ахнет,
Зарычит — заплачет:
— Где же лес?!.

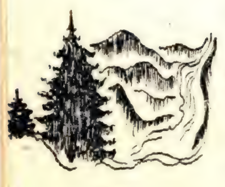
ВЯЗ

С рожденья
Вяз корнями грунт пронзал
И сжал в горсти,
И в узел завязал.
И захлестнув
Береговой излом
Вовеки не слабеющим узлом,
Тугие корни
Глыбу удержали,
Ни разу
Мертвой хватки не разжали.
А лучше б называть ее живой:
Ведь в небе
Вяз подставил ветви птицам,
А на земле
Ключу помог пробиться
И от жары прикрыл его

Листвой.
И бéрега
Крутой, лобастый выступ,
Куда ветра,
Ревя, идут на приступ,
А в водополье — пьяная вода,
Он не отдаст,
Наверно, никогда.
Держа корнями,
Словно в кулаке,
Он не отдаст
Ни ветру,
Ни реке.
Что ж,
Так держать!
И так встречать напасть,
Какою полон
Век его суровый,
И рваться в высь,
И с кручи не упасть,
И берег сохранить
Для жизни новой!

ЕЛОЧКА

Празднует, наверно, день спасенья
Елочка, встречая свет зари.
На ветвях, как будто украшенья,
Нежно розовеют снегири.

Перед ней утоптан снег глубокий,
Но уходит след за перевал.
Выросла немножко кривобокой —
Браконьер ее забраковал.

Поработал дядя ночью тою,
И на дальней горке больше нет
Стройных елок, гордых красотою.
А она приветствует рассвет.

Там, где ей с надеждой и тревогой
Рассыпать из шишек семена,
Встанут кривобокие немного
Елочки, такие, как она.

Будет новогодье, снег глубокий,
Отраженный снегом звездный свет.
И от рощи елок кривобоких
В сторону метнется чей-то след.

НЕ СБЫЛОСЬ!

Как цвела весной!
А летом
Ягод было без числа!
Но черемуха за это
Смертной казни не ждала.

Кто-то глянул,
Крякнул жадно:
— Вот где ягод наберем!..
Замахнулся беспощадно
И ударил топором.

Задрожала, черноглаза,
Будто вскрикнула с тоской —
И к ногам упала — сразу
Вся добыча под рукой!

И разбойная ватага
Усмехается хитро.

Торопясь нарвали ягод —
Не вмещаются в ведро!..

И не плещет в той сторонке
Майский цвет, душист и бел,
По ветвям, где самый звонкий
Соловей в округе пел...

Пропади ведерко это,
Прохудись оно насквозь!
Сколько ягод,
Сколько цвета,
Сколько песен
Не сбылось!

ЖАВОРОНОК

Над рожью — жаворонка дрожь,
И молодей душа усталая,—
Как хорошо, что ты живешь
На белом свете, пташка малая!..

А нынче — жаворонка нет.
Стою гляжу в зенит растерянно.
Ведь не померк же солнца свет.
А сколько милого потеряно!

АВТОСТРАДА

Ветер хлещет в стекло ветровое,
И чего нам увидеть дано?
Ведь сливаются листья и хвоя,
И стволы золотые — в одно.

А когда-то лесною тропою
Кто-то здесь проходивший пешком
Был, наверное, с елкой любою
И с полянкою каждой знаком.

Новый век приказал торопиться,
Мы летим — и неведомо нам,
Как живется тут зверю и птице,
Муравьям,
И траве,
И ручьям.

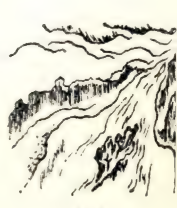
Век торопит — и некуда деться,
И порой человеку невмочь
На предельном разбеге
Вглядеться
И понять чью-то боль,
И помочь.

ПАРОМЩИК

Старик хранит достойный вид,
Приметной должностью гордится.
И лишь в ненастье поворчит,
Что людям дома не сидится.

Опять куда-то понесло
Неукротимую ораву!
И ставит накосо весло,
И начинает переправу.

Ушло, к чему юнцом привык:
Не воз с лошадкою пониклой
В толпе людской, а грузовик
И целой стаей мотоциклы.

Смирясь, молчат — и только ждут,
Чтоб по откосу взвиться в раже.
Недвижность — мука им. А тут
Путь неизменен, скорость та же.

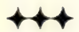
Вода, и ветер, и песок
Покорны прихотям погоды.
Но все короче век досок
Под грузной уймою народа.

Куда спешат и отчего
Пути торят по всей планете!
Сам, кроме берега того,
Он не бывал нигде на свете.

КОЛДОВСТВО

Глубинное,
Дремотное,
Лесное
С дороги сбило,
В чащу завлекло.
Как птицей,
Коренастою сосною
Ты взят под материнское крыло.
Тебя она баюкает и шепчет,
Но шепот прямо в ухо — словно шквал,
О том, чтоб ты любил верней и крепче
И никогда любви не предавал.
И голос все упорней —
Прямо в душу:
— Была б любовь! Ты понял наконец?
Никто б не разбивал,

Не жег,
Не рушил
Ни храмов
И ни сосен,
Ни сердец...

Простые деревенские цветы,
Как люди, что не дружат с показухой,
Но полные душевной чистоты
И милой красоты,
И силы духа.

И разве нет особенных заслуг
За ними? А когда душе усталой
Они в букете вдруг напомнят луг
И лес далекий — разве это мало!

Собой украсят взгорок и овраг,
Узором пробегут по ниве хлебной.
А тот или иной цветочек — знак
Волшебной силы,
Тайной и целебной.

ВЕТЕР В ПОЛЕ

Ветер вдруг заржет легко и звонко —
Будто стригунок невдалеке.
И трава, как грива жеребенка,
Мигом проскользнет в твоей руке.

Не поймаешь! Не погладишь шелка
На упругой шее стригунка.

И ему копытами не щелкать.
И волна полынная горька.

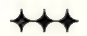
Больно рано с вами, кони-други,
Навсегда расстаться выпал срок.
Вспомнилось: последнего в округе
Жеребенка звали — Ветерок.

ЗИМНИЙ ЛЕС

А что бы не прийти к нему зимой,
Когда любовь к природе — без корысти.
Когда оброс он снежной бахромой,
Утратив соловьев своих и листья.
Когда застыли ягода и гриб
И в мерзлых пущах сиверко охрип.

И в чаще, где сугробы все бездонней
И в камень холод превратил смолу,
Кору погладить голою ладонью,
Щекой припасть к гудящему стволу.

И ласково сказать:
— Старик, держись!
Храни свой бодрый дух в любые зимы.
Ты держишь на себе земную жизнь —
А это по плечу непобедимым.

Истоки рек великих —
В захолустьях,
Где сказка в боровой глуши живет.

Величье рек мы видим,
Знаем устья,
Волнующую плавность
Мощных вод.

Но открывался
Многим ли воочью
В той чаще, где висит гнездо сорочье,
Потока знаменитого исток,
Где и воды
Всего-то на глоток,
Где крутится березовый листок —
И унести вода его
Не в силе...

А быть потоку
Славою России!

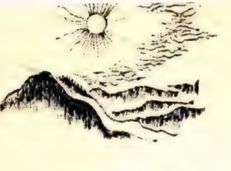
ВОПРОС

А под ногой хрустели дерева,
Из их стволов выдавливались слезы.
Спервоначала думалось: трава.
А это были кедры и березы!

С ветрами возносились семена
К верхушкам гор из зарослей таежных.
Здесь жизнь теплом и почвою бедна,
И на ветру неласковом — тревожно.

Едва заметный лес над крутизной.
И к деревцам испытываешь жалость:
Дошли до гребня. Но какой ценой
Им это одоление досталось!

Разбит порядок, чтимый с давних пор.
Что лучше, не поймешь — вопрос
запутан! —
Быть великаном у подножья гор
Иль на вершине мира — лилипутом?

Горные глубинные пласты
В недрах навсегда от солнца скрыты.
Но хранят базальты и граниты
Вековую жажду высоты.

И для них века подобны дням,
Не проймет волненье никакое.
Но недвижность вечного покоя
Нестерпима даже и камням.

И пойдет бунтующий порыв,
Грохоча, начнет играть пластами.
Горы поменяются местами,
Новые вершины сотворив!

РЕМБРАНДТ

Он не святил глаза порока
Игрою солнечных огней.
А потому и одиноко
Прошел сквозь строй
Последних дней.

Он никого не подрумянил,
Он для глупца ума не занял

У тех, чей взор сверкал умом.
Пусть наживет в себе самом!

И никогда прискорбной яви
Не исказил своим мазком.
И он пришел к всемирной славе,
А жил и умер бедняком.

И он скорбел душой ранимой,
Наверно, даже в смертный час:
Как мало истина ценима,
И как хотят и ждут
Прикрас!

ПОГОДА

Живем — и зависим
От времени года,
От солнца и ветра —
Какая погода...

В буране — суровей,
Светлей на пороше...
В хорошее время
Быть легче хорошим.

Дождешься —
И к сердцу
Весна подступает.
Жива доброта!
А жестокое тает.

Но я восхищаюсь
Особенно теми,
С кем людям теплее
В студеное время.

Не все дороги
В гору по земле.
И под уклон идешь в иную пору.
Но ты не забывай
В ущельной мгле
Свой лучший день,
Свою былую гору,
С которой видел дальний окоем.
Вовек не забывай
Свои высоты!
А не забудешь —
Сбудется подъем
Счастливых чувств
И яростной работы!

КРАСОТА

Проникнута природа красотою,
Чья над душой неодолима власть.
Все объяснять полезностью простою —
Себя непоправимо обокрасть.

А нас торопит жажда объясненья!
Любой из нас в учебнике прочел
И помнит, что нужны цветы растеньям
Для привлеченья бабочек и пчел.

Но красным, или белым, или синим —
Любым цветам в просторах луговых
К чему такая изощренность линий,
Такая тонкость
Сочетаний их!

Не просто знак!
Они сложней красивы.
И для чего, к примеру, на стекле
Цветы зимой раскроются, как диво,
Напоминая людям о тепле.

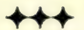
За ними сад, остуженный и голый,
И дым из труб — столбами по заре.
И ни к чему цветам морозным пчелы,
Да и какие пчелы в январе!

Вот умирает
Старая рябина,
Былая гордость нашего двора.
Она, наверно, этот мир любила,
Недаром так была к нему щедра.

Она жила,
Как праздник среди буден,
И столько ягод
Жаром налилось!
И вот еще протягивает людям
Последнюю пылающую гроздь.

А по коре
Недуг морщины чертит,
Сквозною раной в кроне — пустота.
Прощаемся.
Но есть такие смерти,
Что в них неодолима красота.

Ребенок плакал, умолкал
И принимался плакать снова.
Подобно взрослому искал —
Не находил для мысли слова.

Быть может, то, что он постиг,
Равно закону притяженья.
И для него познанья миг
Был словно новое рожденье.

Узнал, что ночь сменилась днем
И снова сменит день усталый.
Слились восторг и ужас в нем,
Но слов об этом не хватало.

А он, не смевший утаить
Ему открывшееся знанье,
Хотел нас к тайне приобщить
И плакал — от непониманья.

КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЕЙ И БОГАЧЕ...

Гнал зубра в пропасть, беспощаден,
И не жалел ни сил,
Ни стрел,
И сам, как зверь, космат и жаден.
А задал пир — и подобрел.

В кусты
Шакалам и лисицам
Швырял обглоданную кость.
И разметал голодным птицам
Пшеницы солнечную горсть.

А набери ее попробуй
В густой траве по колоску.

С женой выискивали оба,
Смолоть мечтали на муку.

А птицы кланялись проворно,
Кидались стайкою на корм
И, суетясь, теряли зерна,
Случайно втаптывали в дерн.

Зимой пшеницы не хватило,
И возмущенная жена
Его кляла и колотила,
Поскольку главная она.

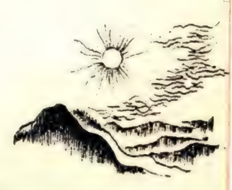
И до весны перед народом
Срамила — ежился мужик.
А у пещеры перед входом
Зеленый еж весной возник.

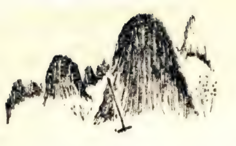
Взошла и выросла пшеница,
Тугие зерна налила.
И горсть дареную
Сторицей
Ладоням щедрым отдала.

Кусай лепешку острым зубом,
За что про что — обед готов!
А дума
Билась пленным зубром
В чащобе будущих годов.

Так, значит, можно жить иначе,
Куда счастливей и богаче,
Чем люди жили до сих пор!..
В добычу предку предназначен
Не носорог, а косогор.

И пращур, обогнавший время
И странный племени всему,

Копьем раскраивает темя
Слоноподобному холму.

Собаки лают,
Плачут дети,
Хватает за руки жена,
И сокрушаются соседи
О горькой участи зерна.

А он, косматый и упорный,
Сам дивных дел своих страшась,
Идет, разбрасывая зерна,
Ступнями втаптывая в грязь...

— Взял у детей — и бросил птицам! —
Зубасто щерилась хула.
Но зерна новые пшеница
Над первой пашней налила.

И был для всех вокруг загадкой
Тот золотой от зерен склон.
А пахарь, весел и силен,
Срывал колосья цепкой хваткой,
И на жену, лишь для порядка,
Ворчал, поскольку главный он.

Пошел сосед,
Другой
И третий
За первым сеятелем вслед.
И всюду сев идет на свете!
И разве только в поле?
Нет!

Как стать счастливей и богаче?
А просто жить, добра не пряча,
Дарить добычу и удачу
Другому сердцу и уму
И роду-племени всему.

СЕРДЦЕ

Сердце, содрогаясь от потерь,
Полное доверья и участья,
Словно бы всю жизнь стучится в дверь,
За которой истина и счастье.

Так или не так? Упрямый стук.
Так или не так? Удары чаще.
Если гибнет город или друг,
Пулей — в сердце
Каждый миг летящий.

И бывало раньше и теперь —
Болью и заботой захлебнется.
Словно в распахнувшуюся дверь
Выйдет человек —
И не вернется...

БОЕЦ

Сон свалит полководца,
И сабля — на стене.
И только сердце бьется
В полночной тишине.

А сердце и во мраке
Сигнальщик и гонец.
На марше и в атаке —
Оно всегда боец.

Оно в тревоге бьется,
Оно в набат стучит.
И кровью обольется
От горя и обид.

Трудна такая доля,
А что поделать с ней!

Порой чужие боли
Ему своих больней,—

Коль кто-то предал друга,
А праведник затерт,
И пыжится хапуга,
Удачливостью горд.

Ну что ж! Стучи, надейся
И будь самим собой,
И все отважней бейся,
Когда за правду бой!

ТРЕВОГИ И РАДОСТИ ВЕКА

Мы стали безмерно могучи
И кружим в любой высоте.
Мы формулам молодость учим,
И надо учить доброте.

Тревоги и радости века!
Сейчас возвратить мы хотим
Прозрачность и ветру, и рекам,
И верится нам —
Возвратим!

На трубы управу отыщем
И выветрим всяческий дым.
Но быть и добрее, и чище
Для этого надо самим.

И если звучит во Вселенной
Ликующий смех малыша,—
Не в лад с оболочкою бренной
Во мне молодеет душа.

И опыт ему, и силенку
Дай, время, в грядущие дни,
И мудрость!
Но сердце ребенка,
Пожалуйста, в нем сохрани!

Счастливее этого дара
На свете, наверное, нет.
Ощупают взглядом радары
Бока незнакомых планет.

С земными несхожие страны,
И трассы фотонных ракет.
Но, думаю, всюду желанна
Сердечность — как солнечный свет...

И в школе,
И в вузе ученый,
Ушедший в труды с головой,
Порой до костей прокопченный
На вахте своей трудовой,

Забывший и зверя,
И птицу,
И травку на влажной земле,
Иной технолюб удивится
Влетевшей в окошко пчеле.

Вздохнет
И взволнуется сладко,
Когда с запозданьем поймет:
— Ведь это же та полосатка,
Которой спасибо за мед!..

Он сдвинет цветастую штору,
Пошире раскроет окно,
Пчелу возвращая простору
И радуясь с ней заодно...

Содержание

Сильнее нету притяженья

Тревоги и радости века

Фейерабенд Е. В.
Ф36 Пронзая сердце радостью и болью. Новые стихи. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1981.— 128 с. с илл.

Новая книга уральского поэта — отражение лирического образа родной земли. Пристально и тревожно всматривается он в окружающий мир, стремясь открыть людям хрупкую красоту природы. Быть хозяином жизни — значит, быть за все в ответе. Такова его нравственная позиция.

$Ф\frac{70402-059}{М158(03)-81}$ Р2

ИБ № 799

Евгений Витальевич Фейерабенд

ПРОНЗАЯ СЕРДЦЕ РАДОСТЬЮ И БОЛЬЮ

Редактор С. В. Марченко
Художник Л. А. Махота
Художественный редактор О. И. Журавлева
Технический редактор Л. М. Голобокова
Корректоры М. А. Казанцева, И. П. Кирсанова

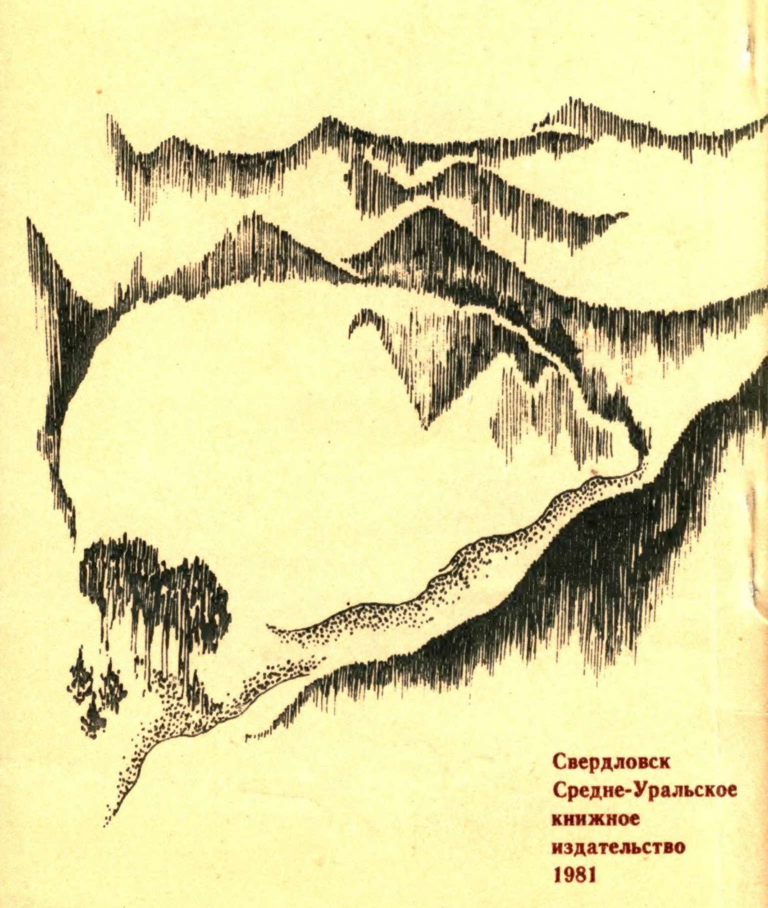
Сдано в набор 26.09.80. Подписано в печать 03.03.81. НС 12034. Формат бумаги $70\times90^1/_{32}$. Типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 4,7. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 10 000. Заказ 510. Цена 55 коп. Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49. Обложка отпечатана в производственном объединении «Полиграфист», Свердловск, Тургенева, 20.

стихи.
– 128 с.

лириче-
евожно
открыть
м жиз-
вствен-

Р2

55 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1981